

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Маргарита Пальшина

*Современная мистерия,
или роман, написанный во сне*

Маргарита Пальшина
Проникновение. Современная
мистерия, или Роман,
написанный во сне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711618

ISBN 9785447460860

Аннотация

«Черета жизней повторяет череду дней. Есть серые дни, пролетают как тени, ничего после себя не оставив. Есть ключевые жизни-события, способные повернуть время вспять. И есть жизни-перекрёстки, когда душа раскалывается надвое». Непреходящий сон о предательстве и убийстве, о побеге и возвращении. Москва, Прага, Каир, Александрия, Карфаген, Мальта, Атлантида, мистический город-лабиринт над морем... – разные судьбы, времена, эпохи в одиссее по зазеркалью подсознания.

Содержание

Картина первая: «Взломщики снов»	5
Эпизод 1. Жар	5
Эпизод 2. Гроза	18
Эпизод 3. Земля	32
Эпизод 4. Ветер	57
Эпизод 5. Снег	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Проникновение

Современная мистерия, или

Роман, написанный во сне

Маргарита Пальшина

*Я первый усмотрел во снах виденье истины.
«Прикованный Прометей». Эсхил*

© Маргарита Пальшина, 2018

ISBN 978-5-4474-6086-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Картина первая: «Взломщики снов» (серия портретов)

Эпизод 1. Жар

Ангел взял нож и отрезал крыло. Поморщился от боли и потянулся отрезать второе. В такой перекрученной, как выжатое бельё, позе и с мученическим выражением лица его и запечатлел художник. Ангел мечтает стать человеком. Но разве поезд может двигаться вспять? Ноги босые, в каплях крови. Почудилось, в каплях гранатового сока. Рядом висела репродукция картины Гюстава Курбе «Гранаты». Кто додумался совместить на одной стене несопоставимое? В поезде может быть всё: изощрённые фантазии и настоящая жизнь, красота и пошлость. Синяя ветка метро в Москве, разноцветный поезд-музей. Галерея на колёсах: едешь, смотришь картины, можно перебежать на станциях из вагона в вагон, как из зала в зал. Каждый вагон выдержан в своём стиле, принадлежит своей эпохе, а картина с ангелом – некстати. Давно ждала этот поезд, как ждут знамения свыше: «Одна-

жды, как в плохом кино, проснёшься и поймёшь, что ничто не будет прежним».

– Кира, с тобой всё в порядке? Почему не подойдишь к телефону?

– Я работаю по ночам, днём сплю. Всё хорошо.

Гудки. Маме лучше не говорить, что проснуться не получилось. Возвращалась домой после кинопремьеры, села на станции Арбатская в цветной поезд здоровой, а утром начался жар. Летом в Москве легче всего простудиться: город кондиционеров и сквозняков. Ангина сбила с ног на несколько дней. Всё плыло и горело, мысли и образы сплетались в причудливые фигуры калейдоскопа снов. Лабиринта без входа и выхода, где непонятно, кто ты и откуда, и кажется, то, что сейчас происходит, видела и переживала когда-то. Экран внутри экрана, сон внутри сна.

А что если сны можно было бы снимать, как фильмы, и показывать в кинотеатре?

Снилась операционная. И какой-то голос сказал:

– Твоё сердце отравлено.

Утром проснулась и увидела солнечные блики на потолке. Вырвав из вен иглы капельницы, встала и подошла к зеркалу. Тонкий шрам – под левой грудью. Чересчур красиво, чтобы быть жизнью, если бы не лёгкость, ощущение счастливой пустоты.

Тот же голос сказал:

– Больше не будет больно.

Это кино смотрели с тем, кого ждала нетерпеливее, чем цветной поезд. Искоса наблюдала за его реакцией, нравилось думать, что запомнит фильм как лучший из всех, что видел, а на премьеру я его пригласила. Но вместо финальных титров на экране возникли клоуны и фокусники. Гримасничали сначала на сцене, потом спустились в зал, задирая зрителей. Мерзкое, отвратительное шоу, и никто не мог ни остановить его, ни уйти. Все вокруг стали участниками клоунады, а вместо надписи «ВЫХОД» над дверями из зала в коридор загорелись дорожные аварийные треугольники без каких-либо стрелок объезда. Неопишуемое чувство стыда за происходящее! Если бы не с ним, а с кем-то другим, то можно было бы пережить, но он рядом. Не мой сон, не моё кино, не моя жизнь. Мечтала быть похожей на женщину с экрана, украли её и выдала за себя, солгала, потому что совершенно нечего ему предложить. Но хуже всего, что не знала, кем был этот человек рядом со мной.

Фокусником, которому не нужен зритель. Ловко жонглировал четырьмя предметами на экране. Несколько секунд в замедленной съёмке крупным планом в руках поочерёдно показывались жезл и чаша, ромб и меч. Затем снова всё замелькало, сливаясь в огненный круг, словно жонглировал он горящими факелами. Киноактёру всё равно полон зал или пуст, играя свою роль, за камерой видит лишь режиссёра.

– Сможешь поймать?

Осторожно оглянулась через плечо, пытаюсь понять, к кому из зала он обращается. Единственное занятое кресло – моё. Ни души вокруг.

– Нерешительность – признак несчастливой судьбы, – покачал головой он и метнул меч в мою сторону.

Лезвие вошло в сиденье, как в масло, едва успела отскокить в сторону. Кресло издало тихий стон, а я неотрывно смотрела на покачивающуюся бронзовую рукоять с резными узорами в виде трёх догоняющих друг друга спиралей. С трудом вытащив меч, снова взглянула на экран: никого, но за ним мерцал лёгкий свет, словно на ветру плясало пламя от факелов.

– Нужно пройти сквозь экран, – эхом в пустом кинозале прозвучал знакомый голос.

Разрезав полотно, оставила меч на сцене: слишком тяжёлый, чтобы тащить с собой. Заметила золотистую крошку песка на ладонях. Под ногами был тот же песок. Впереди, за экраном, – бесконечно длинный, уходящий в темноту неф с колоннами. В тусклом свете факелов можно было рассмотреть ближайšie из них с высеченными иероглифами, символами звёзд, пирамид, кубов, шаров и сосудов. Я шагнула в зазеркалье, в отражённый коридор свечей. В одной из ниш за колоннами пламя выхватило из темноты край картины. Взяла факел, подошла к ней поближе. Застывший жонглёр. Фокусник, метнувший мне меч. Но на картине поза его напоминала распятие.

Внезапно коридор из свечей исчез в темноте, потом появился снова, по ногам потянуло холодом. Сквозняк погасил на мгновение факелы, точно где-то далеко впереди открыли и закрыли невидимые двери. Волна взвившегося с пола песка больно резанула по икрам. Свет приближался. Многоголосый шёпот заставил потушить факел в песке и вжаться в стену. Спасительная полоска темноты сужалась, и вскоре у ног задрожали тени невидимых за колоннами хозяев голосов. Одна из теней была похожа на птицу с изогнутым клювом. Тень кивала головой в такт глухим и отрывистым, как барабанная дробь, словам на древнем языке. Самого говорящего скрывали звероподобные тени, столпившиеся вокруг двух треугольников на кресте.

– Я не знал людей, которые были бы незначительными.

Глубоко в подсознании включился переводчик, и я поняла, что нахожусь уже в своём сне.

– Я не перекрывал воду, позволяя ей течь.

Треугольники весов предательски дрогнули.

– Я не вынудил ни одного человека заплакать.

Весы покачнулись, и один из треугольников склонился к земле. Свет погас. Голоса умолкли. Почувствовала, что темнота засасывает меня всё глубже, как вязкое болото, и крепко зажмурилась. Если с силой закрыть глаза, то перед внутренним взором вспыхнут белые искорки света, зажжётся солнце.

Палящее солнце пустыни. Её бесконечность подавляла,

хотелось кричать и плакать от ощущения собственной беспомощности и одиночества. Песчаные дюны тянулись далеко за горизонт, в пустоту без единой точки опоры – не за что зацепиться взглядом. Северный ветер рвал волосы и одежду, швырял в лицо песок, полируя кожу, словно наждак. Слёзы капали на покрытые пылью руки, оставляя на них длинные горячие дорожки тоски. Вдалеке почудился волчий вой или чей-то плач по погибшему. Я его потеряла.

– Несказанно везёт и не в первый раз, давно за вами наблюдаю. В чём секрет?

Блондинка была хороша, её не портил пластмассовый свет ламп над игорным столом, оседающий на лицах мертвецкой бледностью. От неё не пахло бессонницей, как ото всех нас, напротив, будто только что проснулась, как и положено – на рассвете. Густые волосы цвета карамели и глаза цвета неба за окнами. На рассвете небо над Прагой становится пронзительно синим, настоящим, без примесей. Не знаю, почему сегодня решил играть в «Богемии», наверно, устал от «вечного сейчас». Пятое измерение, где времени нет и быть не может. Если все будут смотреть на часы или за окна, никто не проиграет достаточно денег, и казино разорится. Никто не должен уйти слишком рано, никто не должен отрывать взгляд от зелёного сукна, где мелькают карты. Лип-

кие капли пота медленно ползут от виска по щеке, по шее и под ворот рубашки. Время замирает в воздухе, как капли смолы.

Вышеградская «Богемия» – единственное казино в Праге, где окна есть. Казино для туристов. Вышеград – исторический район Праги, высоко на холме над Влтавой, где гости города расстаются с деньгами, любясь его летящей, романтической панорамой. Точнее, могли бы, если бы не проигрывали так азартно.

Блондинка не проигрывала и не играла, а пила сахарный абсент у края стола, незаметно разглядывая игроков.

– Туз пик не придёт, снова придёт червонный.

Предчувствие беды обожгло так же сильно, как и во сне. Она говорила по-английски, и я помотал головой в знак того, что не понимаю ни слова. Сегодня сойдётся моё четвёртое каре, нужно сосредоточиться.

Снилось противостояние на краю леса: волка и стаи псов. Город не моя территория, должен уйти обратно в лес, но нельзя поворачиваться к ним спиной – разорвут. Противостояние страха: псы тоже боятся и не нападут, если не почувт мой. Борюсь с собой, скалюсь и рою лапами землю. Они молча и недвижимо ждут, обжигающий смрад выдаёт их учащённое дыхание. Темнее, ещё темнее. Руки в грязи и крови. Я снова человек, маленький и дрожащий, – против клыков и когтей. Нет ни ножа, ни камней поблизости. Пячусь и упираюсь спиной в дерево. Закрываю глаза, вот-вот кто-нибудь

из них вцепится мне в горло. Жду. Долго. Внезапно воздух становится чистым. Псы ушли.

А я проснулся и понял: удача уйдёт по кривым переулкам города следом за ними. Покерная удача моих снов: неизменное каре – три туза и джокер. Менялись масти, но не комбинация. А джокером стал я, когда решился.

Лето в банковском офисе – худшая из пыток. А грозное лето тем более. Духота и головная боль. Пытка по расписанию. Раньше и представить себе не мог, что погода превратит здорового, сильного парня в дряхлого старика. Бумаги, бумаги, бумаги, скрип дверей, звонки, телефонные разговоры, лязганье копировальных аппаратов и степлеров ... – до сквозных дыр в мозгу. Дорога с работы: брусчатка и боль в пятках, отзывающаяся в позвоночнике, светофоры, хлопающие крыльями над головой, точно стая голодных птиц, нищие попрошайки на Карловом мосту на коленях, мордой в землю, – им не так плохо, могут встать и уйти в любой момент. А чёрный пиджак, белая рубашка и галстук – клеймо раба. Долгие душные ночи, редко прерываемые звонком будильника, чаще тем, что обезболивающее не действует, и в голове от виска к виску опять маршируют с оркестром.

Гроза же обходила Прагу стороной, проливаясь где-то далеко за городом. Бросить бы всё к черту и уехать её искать! Гроза принесла бы мне облегчение. Не мог себе этого позволить: пенсионерка-мать и непонятно от кого беременная ду-

ра-сестра – у меня на шее. Я должен их содержать. Должен. Человек вечно кому-нибудь что-нибудь должен. Жизнь – как кредит в моём банке: деньги по-тихому перечисляют прямо на электронную карточку. Никто не спрашивал, хочу я родиться на свет или нет. Всучили подарочек и подписали под двадцать процентов годовых. В нашем мире вообще считается нормой, что две трети профессий и занятий человечества абсолютно бесполезны. Как в «Замке» Кафки все что-то делают, но никто не может сказать, что именно и кто за это в ответе. Деньги – мерило статуса. Чем больше накопили, тем выше ростом и значительнее стали. И всех приходится догонять, всем соответствовать. Иначе протянешь ноги. Пожизненная участь наёмника. Но стоит осознать, что в жертву гарантированному социумом «завтра» приносишь себя, как восприятие мира переворачивается. Мир – игра, где социальный статус, как джокер в колоде, – заменитель красоты, ума и таланта. Красивую женщину не спросят, чем она занимается: смотришь на неё и понимаешь, неважно. Художника тоже не спрашивают: от него краской пахнет. Люди призвания: врачи, учителя, писатели... выдают себя первым же словом, жестом. «Кто ты по жизни?» – вопрос, упорно повторяемый офисной серостью, продавцами воздуха. Надо же им как-то себя идентифицировать, никто не хочет уподобляться пластиковым стаканчикам с искусственной одноразовой судьбой. Хочется жить по-настоящему!

Я – жил. В коротких предрассветных снах, где после вто-

рой дозы обезболивающего дул чистый северный ветер. В перевёрнутом мире игра и есть настоящая жизнь. Веер тузов на зелёном сукне: крестовый и червонный, бубновый и пиковый. Срывал банк раз за разом, пока утреннее головокружение от победы не переросло в настойчивое желание проверить свою удачу. И я решился, дал себе зелёный свет.

– Сколько ставите?

– Всё, что есть.

Вечера начинались одинаково: мелкие карты, мелкие выигрыши с целью продержаться за карточным столом до рассвета. Научился чувствовать его приближение кожей, минута в минуту. Наручные часы в казино тоже носить не принято. Когда ночь над городом сдавала позиции, за игорным столом мне сдавали каре. Главное – успеть поставить все деньги, а их с каждым «ва-банком» прибавлялось и прибавлялось.

Я уволился, переехал из тесной клетки с протёкшими потолками в старом центре в просторную квартиру в новостройке на окраине. Матери и сестре кидал деньги на счёт, сказав, что новая работа связана с частыми командировками. Жил и спал, как хотел и когда хотел, а не по расписанию. Лучшая комбинация свободы и счастья!

Снова пришёл червонный туз, как и предсказала блондинка. Сердце вместо меча. За столом все замерли, глядя на крупье, передвигавшего Эверест из фишек в мою сторону. Жаль, никогда не приходил туз пик, люблю оружие.

В детстве в музеях так и тянуло прикоснуться, погладить острые наконечники копий, провести пальцем по лезвию средневекового меча или ножа. Собрать бы коллекцию! Пики её олицетворяли в картах, могли бы стать моей последней удачей. Возможностью взять у будущего тайм-аут и не попадать больше в контору лязгающих степлеров. В жизни нужно делать что-то полезное, чтобы всегда быть на плаву. Но что я умею, чему могу научиться? Ничего и ничему. Пока не пойму, кто я и чего хочу.

Сыграть ещё раз? Оглянулся на блондинку. Чуть улыбнулась мне краешками губ, подняла бокал, допила остатки абсента и резко встала из-за стола, направляясь к выходу. Понял: лучше забрать деньги и уйти, пока не поздно. Жадность – плохой советчик.

– Поздравляю вас, всего триста пятьдесят тысяч крон. Но сейчас в кассе недостаточно денег. Сможете получить выигрыш днём, после двенадцати.

Я опешил.

– А до двенадцати буду шататься с мешком фишек в руках?

Кассирша рассмеялась в ответ:

– Нет, конечно. Выпишем поручительство, предъявите его – получите ваши деньги. Не волнуйтесь. Есть у вас с собой документы?

Так, приехали. Крупная сумма, зарвался. Я ей – паспорт, а она звонит «кому надо», и мне устраивают несчастный слу-

чай. Казино ни при чём. Все чистенькие. Современная мафия. А блондинка – их наблюдатель. Я же был осторожен, играл нечасто! Да и кто сможет обвинить меня в мошенничестве, если выигрывал по снам? В казино меня убивать не станут: слишком пафосное место «Богемия», чтобы вляпаться в газетные заголовки. Значит, деньги всё-таки получу, если смогу продержаться несколько часов. Нужно рискнуть. В конце концов, Прага не Лас-Вегас, может, нет столько денег в кассе, не в сейфе же они их держат, в банке.

И я покорно пошёл за ней по длинному коридору подписывать бумаги. Над дверью в комнату висела табличка: «ВЫХОД ТАМ ЖЕ, ГДЕ ВХОД». Видимо, гости казино часто путали двери. Внутри – такой же мрачный пластмассовый свет, темно-зелёные ковры и стол, укрытый зелёной скатертью.

Заполнил бланки с печатью казино, один протянул ей.

– Ульвиг? Странное имя у вас. Знаете его происхождение?

Пристально разглядывала меня и улыбалась. Снова почувствовал смолу на висках и за воротом. Её улыбка в бледном свете походила на оскал.

– Нет, и знать не хочу.

– Зря вы так. В имени заключена судьба.

Молча сунул бумагу в карман и поспешил обратиться оттуда. Что-то дьявольское сквозило в зелёной комнате.

Вызывать такси из казино не хотелось, решил поймать у Нусельского моста попутку. Но мост был пуст. Я долго шагал вперёд, не оглядываясь и стараясь думать о красных че-

репичных крышах, разбегавшихся под ним в разные стороны, насколько хватало взгляда. В народе Нусельский мост называют «мостом самоубийц» как самый высокий в Праге. Тучи ползли за мной по пятам, затягивая подрумяненное первыми солнечными лучами небо.

А в Старом городе меня поджидали псы. Сделка с Дьяволом, похоже, состоялась. Он забирает не то, что нам дороже всего, а наоборот то, что в суете дней перестаём замечать. Жизнь. Быстро они среагировали. Парни в увесистых ботинках появились одновременно впереди и позади меня из переулков, словно материализовались из стен домов. Вполне могли провожать меня от казино. Тогда почему напали не на мосту, скинули бы вниз как самоубийцу?

Драка не заставила себя ждать. Падая навзничь на брусчатку, увидел небо, искромсанное вспышками молний. В город пришла гроза.

Чей-то крик между раскатами грома:

– Остановитесь! Я звоню...

И темнота.

Эпизод 2. Гроза

«Почему не подходишь к телефону?». Сколько времени я бредила? А могла до сих пор не проснуться, если бы мама не звонила так долго. Её звонок вытащил меня из забытья и жара пустыни. Луна на подоконнике взвыла и в три прыжка очутилась на кровати, начала топтаться на коленях, выпустив когти. Ненавижу, когда она так делает. Луна – моя сиамская кошка, окрас шерсти напоминает голубовато-серые лунные кратеры. Озверела с голодухи.

Пошатываясь от слабости, я побрела на кухню. В холодильнике нашлись миска варёных куриных сердечек для неё и гранатовый сок для меня. Смотрела, как она уплетает сердца, напряжённо вспоминая образы последних дней и снов. Цветной поезд и ангел, отрезающий крылья; фокусник с мечом; неф с колоннами, исчерченными иероглифами; птица, весы, песок.

– Я не ел сердца, – прозвучало вдогонку из сна.

Ну и сны мне снятся! Сцена Страшного суда из египетской Книги Мёртвых, исповедь отрицания в Храме Маат. Тень птицы – египетский бог Тот, его обычно изображают с головой ибиса. Вместе с Анубисом взвешивали сердце умершего на Весах Двух Истин. Если сердце оказалось тяжелее пера богини справедливости, значит, исповедуемый

солгал. Но кто исповедовался? Во сне не видела говорящего, не видела даже его тени. *«Твоё сердце отравлено»*, шрам на груди и гнусная сцена с клоунами, где мы все притворялись. Неужели судили меня? Тогда кого же оплакивала в пустыне? Чем пристальнее разглядывала детали сна, тем сильнее запутывалась в сюжете. Голова кружилась от голода. Нужно было дойти хотя бы до ночного супермаркета и купить что-нибудь поесть.

Пока принимала душ, за окнами рассвело, а мой дом окончательно проснулся. Соседи сверху не могут обойтись без криков, стены скоро начнут рушиться. Нет, мой дом не фамильный замок площадью в тысячу га, а у них – стандартная «двушка». Но по утрам они орут так, будто находятся в километре друг от друга. Театр глухих. Иногда поражаюсь, насколько далеки бывают близкие люди. Внешнее расстояние – дотянуться до пощёчины, внутреннее – никогда не понять, не услышать. Потому что самые важные в жизни слова произносятся шёпотом, а спорят они о мелочах.

– *Я не знал людей, которые были бы незначительными*, – вспомнилась фраза из сна.

Я знаю таких. Много. Не люблю людей. Нет, не ненавижу, ненависть – слишком громкое слово, а именно не люблю. Будто в зоопарке идёшь вдоль клеток с обезьянами, а они корчат рожи, кидают в голову кожуру от бананов и собственные фекалии. Омерзительно! Я для них – развлечение, теле-

визор. Живут в обустроенных клетках с фонтанами и деревьями, а я вынуждена платить за билет. Хуже всего приходится, когда к ним начинаешь испытывать жалость. Вот сидят два рыжих орангутанга, смотрят почти человеческими грустными глазами. Но нет, ждут моего приближения, чтобы треснуть палкой сквозь прутья. Внутри вспыхивает звериная ярость, заразилась. В такие моменты перестаёшь понимать, по какую сторону решётки находишься. Наш мир – планета обезьян. Я презираю их не за то, какие они, а за то, какой становлюсь сама рядом с ними. Поэтому стараюсь жить с ними наоборот: в ночной тишине пишу статьи или гуляю по пустым улицам, перехватываю несколько часов сна перед рассветом, утром, пока они криком разносят стены, иду перекусить в кафе, днём, когда все на работе, читаю или сплю, вечером отправляюсь на очередную премьеру в кино.

«Кофемания» находится за углом дома. Но чуть ли не по полчаса нервно курю в подъезде у окна и не могу заставить себя выйти на улицу. Бойцовский пёс соседа снизу однажды прокусил мне руку. Пронизывающий страх – насквозь, до боли, до головокружения. Собаки чувствуют людей, знают лучше, чем они сами знают друг друга. С собаками у меня всегда были нежные отношения, и оттого особенно обидно. Наверно, пёс чует запах Луны. Я не кошатница, а Луну выкупила у дворовых мальчишек за сотню. Те ухитрились её связать и поджигали усы. Теперь мои руки ободраны до локтей, а собаки меня ненавидят. Впрочем, как и лю-

ди. Похоже на колку льда: бьют постоянно в одно и то же место, и постепенно перестаёшь чувствовать холод и боль. Маленькие повседневные ранки не затягиваются.

С дипломом МГУ мечтала стать журналистом или хотя бы PR-менеджером. Сменила много рабочих мест, но везде мне крутили одну и ту же пластинку:

– У вас тихий и неуверенный голос, смешная короткая чёлка, жёлтые рубашки не носят, а робких никто не воспринимает всерьёз.

Меняла внешность, подстраивалась под них, но потом поняла, что незаживающие ранки и делают людей столь беспощадными друг к другу. Мир полон безвкусицы и уродства, а клоуны на его сцене не чувствуют боли, и потому на роль жертвы выбрали меня.

Последнее заявление об увольнении положила на стол и ушла побродить по узким улочкам Китай-города. Почти весь ноябрь лили дожди, но иногда случались дни резкого, острого ветра, когда сквозь тучи, как кровь сквозь бинты, проступало солнце. В переулке нашла маленькую галерею. Один зал, несколько современных гравюр на стенах и композиция из фигурок из тонкого прозрачного стекла. Казалось, фигурки вот-вот растворятся в воздухе, сольются со стенами и окружающими предметами. История людей ранимых, хрупких и незащищённых, но в то же время невидимых, а значит, спасшихся. Зачем кому-то что-то доказывать, приспособливаться, переделывать мир, если можно уйти? Исчез-

нуть и сохранить себя? Тогда впервые почувствовала то особенное преддверие одиночества, какое испытывает человек, заглядывая в светящиеся окна домов из темноты дождливой улицы. Само одиночество приходит, когда уже безразлично, что за кино смотрят люди за окнами, устроившись в кресле у камина и попивая глинтвейн или подогретое вино. Знаешь: у них на экране не ты, стоящая посреди дождя, а кто-то другой. Когда можно спрятаться, закрыв глаза, как прячутся дети.

Устроилась внештатным кинообозревателем и рецензентом: выходить на премьеры, а писать о них дома. В кино люди лучше, чем в жизни, безопаснее: не могут покинуть пределы экрана, изменить предписанную роль. В кино я нашла свою «дверь в лето»¹: с экрана за мной наблюдают, а я не существую, как те фигурки из невидимого стекла. Одиночество не болезнь и не несчастье, как вас приучили думать с детства. Одиночество – привилегия свободного человека ничего не бояться, ни от кого не зависеть и никому не принадлежать. Мой любимый фильм – рекламный ролик канала National Geographic: *«Если бы плотность населения Манхэттена была, как на Аляске, то в нём проживало бы только 25 человек. Задумайтесь!»*. Махнула бы туда, не задумываясь. Мёртвый город, где есть всё: дома, магазины, бары, парки, автобусные остановки, улицы, площади, фонтаны... И ни души вокруг! Мечта!

¹ Фантастический роман Роберта Хайнлайна о перемещениях во времени.

Моя жизнь – кафе, куда ни за что не войду, если не будет пустых столиков. «Кофемания» по утрам напоминает клуб холостяков или бездомных в душе. У всех стандартный завтрак: яичница с беконом, кофе и свежавыжатый апельсиновый сок. И стандартный – без особой надежды ищущий – взгляд. Рада, что нечасто приходится смотреть им в глаза. Но всё же такие взгляды не лишены романтики. Как в кинофильме «Время» Ким Ки Дука, где утратившие лица влюблённые отчаянно пытаются найти друг друга, узнать в соприкосновении ладоней. Бесчисленное количество рукопожатий за одним и тем же столиком в кафе. Никогда не найдут, потому что потеряли себя, как старую фотографию, забытую в пыли под кроватью. На фотографии смеются двое, сидя внутри причудливой скульптуры в форме полураскрытой ладони. Мы все – чужие сны в «саду ветвящихся дорожек»². Случайные лица, попавшие в кадр чей-то жизни. Если двое и отыщут друг друга взглядом, узнают в соприкосновении ладоней, то рано или поздно расстанутся. А вместо одной будут две реальности. Он сохранит её во снах и воспоминаниях, она – его. Потом каждый из них встретит ещё кого-то. И до бесконечности ветвятся дорожки, множатся образы, как случайные лица на пожелтевших от времени фотографиях.

Наша жизнь – ненастоящая, как и кино. Никто не принимает нас такими, как есть. Если кино об искателях закончит-

² Здесь и далее – рассказ Хорхе Луиса Борхеса.

ся встречей, их будет четверо, а не двое. Он и его иллюзии о ней, она и её иллюзии о нём. Разойдутся по разным кино-залам, один будет смотреть комедию, а другой – мелодраму или трагедию. Любое «я» в обществе не более чем набор масок в ролевых играх «мы». В детстве и юности все искали ответы на вопросы: Кто я и зачем живу? Взрослея, вживались в предписанные роли и утрачивали связь с реальностью, пока ощущение жизни не ушло совсем. Состарили лица гримом ответственности перед другими, так и не получив ответов на свои вопросы. Уродливые клоуны с набившими оскомину фокусами на сцене бытия. Шоу можно покинуть, шагнув за пределы экрана. Но стоит отвернуться от мира, как он забывает о тебе. Жизнь – игра: либо соблюдаешь правила, либо выходишь. Оказываешься посреди пустыни и плачешь по незнакомцу.

Счёт принесли с рекламной листовкой интернет-казино в виде карточного стола с веером тузов на зелёном сукне. И снова кинуло в жар, а перед глазами замелькали символы сна, – не оправилась после болезни. Вспомнились египетские иероглифы на колоннах. Древний алфавит был символьным, живым, пластичным, как киноязык образов, звуков, музыки, закадрового пространства. В кино часто смысл рождается за или между кадрами, и зритель чувствует вспышку, видит сокрытое. Словно идёшь по тонкому прозрачному стеклу, а под ним – непостижимая глубина океана. Настоящая магия. Ожившие глифы древних, где слова-образы изобра-

жают сами себя. В попытке понять, приблизиться к тайне, смотрим фильмы снова и снова, мечтаем походить на киногероев, повторяем их поступки, судьбу, ищем ответы. Кино – вещий сон, но не для одного, а для многих. Общее предсказание. Мистерия.

В кафе же самое важное происходит за экранами окон, а я выбираю столик у окна. В узком проулке высотки почти смыкаются крышами. Последний глоток неба и вновь серо-бетонные плиты облаков. И двое монтажников под крышей болтаются на тросах, приковывая к себе взгляды зевак. Некоторые делают ставки, кто из них сорвётся первым. Но монтажники раньше всех увидят первые отблески молний. А те, кто внизу, не знают, что будет гроза. Я тоже не вижу её, но чувствую приближение. Во сне моё имя – Кира – значило *«та, кто повелевает грозам»*.

Представлю себе Фокусника в городе гроз. Он жонглирует факелами, что не гаснут в дождливую ночь. Я узнаю его в свете пламени. И, возможно, суд будет отложен, и мне не придётся оплакивать его в пустыне.

В ту ночь была сильная гроза. Я вышла на привокзальную площадь Сочи. Автобус как раз подъезжал к остановке. Подумала, нет времени выяснять, куда он идёт, да и выбирать не из чего. Никто не ждал меня в этом городе. Села в автобус

укрыться от дождя. За окнами поплыли огни улиц, тёмные очертания деревьев, затем дорога начала подниматься в гору. Не заметила, как заснула. Проснулась, когда кто-то вытащил снова под дождь.

– И что дальше?

Автобус уехал, забрав с собой последний свет. А мы остались стоять в темноте, посреди пустой трассы, под проливным дождём.

– Прогуляемся пешком километра два. Тебе надо как следует вымокнуть, – невозмутимо ответил мой спутник.

– Зачем?

– Чтобы не выбирать дом, а согласиться на первый попавшийся, где предложат согреться. Ты что здесь вообще делаешь?

Выслушав мою историю, спросил:

– А почему не осталась на севере? Мурманск, Питер, Москва?

– Город – мозаика судеб тех, от кого отвернулось море. А я всю жизнь провела у моря. Белое украдо мой дом, решила, что теперь мне его подарит Чёрное.

– Море ничего не крадёт и не дарит. Это люди воруют или делают подарки. А море возвращает. Правда, не всегда тем, у кого берёт. Не замечала, сколько людей бродит по берегу после шторма? Живут тем, что море возвращает: часы, золотые цепочки, кольца... Пару дней поискать и почти богач.

– Ты тоже ищешь золото?

– Не только.

Чем занимался Арно, узнала после его смерти. Мы поссорились, и я выскочила из машины чуть ли не ходу, в ярости хлопнув дверью. Он умчался в горы. Я вернулась домой на попутке. Той ночью во сне танцевала лезгинку, но танец стал полётом орла. Высоко-высоко над рекой, проложившей путь сквозь горы к океану. Ощущение крыльев, но пустых, без ветра под ними. Воздух застыл в предчувствии страшной утраты. То же испытают последние люди на Земле. Неотрывно все взгляды на восток. Упираются в стену темноты. Солнце погасло. Медленно. Не вдруг. Свет меркнет, стена приближается. Необратимо выгорает горе. Чувств больше нет. Граница срединного мира. Добро пожаловать в Страну Теней!

А днём в нашу дверь позвонили его родители.

– Мариночка, Марина... Арно... Машина разбилась в горах. Собери, пожалуйста, его вещи, я не смогу сама, – плакала мать, закрывая лицо чёрным платком.

Не знаю, кому и зачем было нужно, чтобы я пережила эту зиму. Дымящееся штормовое море и ледяные осколки брызг. Скрипки придорожных кабаков резали сердце на тысячи тонких ломтиков. Слайсы. Ни один из них не должен быть потерян, сожран неумоимо наступающей на берег волной. Провода рвались под тяжестью сошедшего с гор снега, дрожала в кромешной тьме до утра. Свечек в продаже не бы-

ло – дефицит. Видела Арно в нескончаемом потоке прохожих – мимо-мимо, за каждым поворотом, как будто ничего не случилось, и может вернуться домой или догнать меня посреди улицы в любой момент. Сердце отказывалось верить и чувствовать боль. Как дорог становится человек, когда улетает от тебя навсегда! Кажется, уносит с собой целый мир. Всё, что с ним связано, любая мелочь, которую раньше не замечала, приобретает сакральный смысл. Говорили, там, где погиб, на указателе, где дорога петляет, срываясь в пропасть, несколько дней сидел орёл, без еды и питья, не шевельнувшись, и сильно ослабший улетел в горы.

Арно походил на орла. Хищный взгляд карих глаз с жёлтым проблеском, нос с лёгкой горбинкой, высокий лоб. Не отпускал меня ни на шаг, берёт, как охотничий трофей. Высокие синеглазые блондинки на Кавказе такой же дефицит, как и свечи.

В наше последнее утро сидели на подоконнике, между горшками с марихуаной. Он выращивал разные сорта в доме, втыкая в землю таблички: «весёлая», «грустная», «задумчивая», «смелая»... Культ изменённого состояния сознания. «Смелая» нас и поссорила: не хотелось догонять смерть вместе с ним, обкуренным в хлам, хлопнула дверью авто, даже не сказав... Так и не осмелилась за те дни, что провели вместе, всё откладывала слова на потом. А «потом» всегда означает «слишком поздно».

Протянул мне самокрутку и сказал:

– Ты не любишь меня, я знаю. А знаешь, почему ты до сих пор со мной?

Молча смотрела, как медленно тлеет бумага на кончике сигареты, и едкий дым жёг глаза до слёз.

– Мы неприкаянные с тобой. Ты. Я. Мы оба. Никто нас нигде не ждёт, ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

Мы не умели любить, как любят другие, но у нас была радуга. Арно смотрел, как я раздевалась на пляже, и воздух вокруг становился розовым, играл и переливался, – так море переплавляет закат в золото нового дня, мгновения – в слитки вечности. О радуге я раньше читала. Набоков видел розовый туман, Хемингуэй чувствовал, как плывёт земля³. Многие видели радугу и давали ей имена. Никто не знает, что это такое на самом деле.

А жизнь состоит из кусков и фрагментов, и мы ошибочно связываем их между собой. На фотографиях Арно – разные люди. Вернее, один человек, но со множеством лиц. Может, и я была не единственной? Сосредоточенно смотрит в размытую синюю даль – море или небо? Взгляд жесток. Не видела Арно таким никогда. Фотография, где он среди камней, сожжена наполовину, на обороте – карандашный набросок пирамиды. Я не знала его совсем. Разобрав ящики стола, шкафы, вывернув наизнанку все карманы, поняла с кем жила. С чёрным копателем, падальщиком, расхитителем могил и захоронений, побывавшем во многих городах и стра-

³ В. Набоков «Камера Обскура», Э. Хемингуэй «По ком звонит колокол».

нах. Нашла монеты и таблички, исписанные древними иероглифами, амулет из чёрного вулканического камня, керамические чаши с античным орнаментом и из золота, предметы странной формы и непонятого предназначения, географические карты с разноцветными пометками.

Живые не пускают в свой мир посторонних, мёртвые – беззащитны. Некогда любимые личные вещи становятся общими и тоже умирают в чужих руках. Он проникал в могилы других, я – в его. Когда дом ушедшего переворачиваешь вверх дном, что ты ищешь там? Ответ на вопрос, почему ушёл, не спросив разрешения? Но всегда есть то, что за гранью видимого и объяснимого. Глубокая тайна – как незаживающая рана: её нельзя вылечить, потому что нельзя никому рассказать о ней, ни у кого нельзя просить помощи.

Когда тебя покидают, не остаёшься одна, – тебя не остаётся. Пустота и невыносимая лёгкость в груди. Её все заполняют по-разному: вином, сексом, разговорами ни о чём, едят, спят, ходят на работу... Так проходят дни, много-много бесцветных дней в пути. Мы – незнакомцы друг другу. Ничего не знаем даже о себе. Но полюбить человека – значит понять его. Кажется, проще простого задавать вопросы тому, кто рядом! Но никогда не решимся спросить: боимся, что ответом станет тишина. Мы – молчаливые незнакомцы. В тишине пишем черновики дорог. А голоса звучат с разными акцентами, но с одинаковой интонацией, не важно где, в каком городе, просыпаешься. Проснувшись, смотришь на потолок

и мучительно вспоминаешь, где ты: потолки везде одинаковые – седые, с паутиной острых, угловатых трещин, как разбитое зеркало. Если проснулась, нужно куда-то идти, но куда и зачем?

Художник из жизни в жизнь рисовал одну и ту же картину, не зная, что это и есть великая тайна. А на скалах над морем – предсмертные записки всё теми же изломанными трещинами.

«Люди неизлечимо больны разлукой.

*Она вышла из моря и поселилась на ваших
берегах задолго до того,*

как первый цветок родился на свет,

а солнце обрело покой на закате,

*что прекрасен лишь тем, что у вас отнимает:
прожитый день.*

Так прощайтесь!

*И пусть не меркнет над вами ореол героев
трагедии.*

*А я буду слагать о вас саги и песни
и хранить века синей звезды».*

Эпизод 3. Земля

Смерть не прощание навсегда, а разлука на время. Знаю её закон: не сможет разрушить отношения старше неё самой. Я – поэт. Веду летопись Храма Сириуса – сторожа Ориона⁴, двуликой андрогинной звезды: красной и синей. Древние видели красный свет, чувствовали, как бьётся огонь под сердцем, поклонялись Богине Земли, с благодарностью принимая её дары. Исследовали мир, как дети, заглядывали во все уголки, искали в надежде найти и находили. Многое. Великая мать была щедра. Но потом повзрослели, обленились и создали себе Бога за краем Вселенной, чтобы не думать, а знать наверняка, кому и куда писать в молитвах. Письма теряются, не доходят. А на земле идёт счёт векам синей звезды слёз⁵.

В Храм Сириуса ведёт одна из дорог лабиринта снов – младших братьев смерти, бесчисленных её репетиций. Здесь нет ни времени, ни пространства. Наша душа – камера обскура, память веков, поколений, где хранится прошлое, настоящее, будущее, все возможные и невозможные варианты

⁴ Созвездие Ориона у древних египтян считалось обиталищем богов. Звезда Сириус (как самая яркая звезда созвездия Большого Пса) изображалась в образе сторожевого пса Ориона.

⁵ Эру Рыб также называют Эрой Слёз.

земной реальности. Разум – экран, где показывается текущее земное мгновение. Не многим под силу шагнуть за пределы экрана, не многие нас находят. Взломщики снов – исключение, и наша задача помешать ему стать закономерностью. Храм Сириуса открывает двери двенадцати верным адептам. Нам нечего терять и некуда возвращаться. Тринадцатого выбираем сами на смену тому, кто уходит в свет.

– Первый аркан – отречение. Выбери себе новое имя, Марина.

– Маугли. В шутку он называл меня Маугли.

– Без роду, без дома, без племени?

– Да. Город, где родилась, уже не существует на картах.

На огромном экране Храма – мыс Кольского полуострова, где когда-то находились десятки военных баз. Вокруг баз возникали города. Ты жила в одном из них. Военные корабли заходили в порт, бывший по совместительству набережной и главным променадом города, у детского садика красовалась ракета, у школы – списанная подводная лодка. В девяностые военные базы стали не нужны России, и города вокруг них начали медленно умирать. Заржавевшие корабли в портах застыли памятниками минувшему.

Мёртвые города можно отыскать в любой стране. Города, где есть всё: дома, магазины, бары, парки, автобусные остановки, улицы, площади, фонтаны, но нет ни одной живой души. У каждого из них своя история, своя боль: войны, сти-

хийные бедствия, истощение природных ресурсов, закрытие стратегических объектов, фатальные ошибки, необъяснимые явления. Слепыми окнами смотрят в пустоту улиц дома, осыпавшаяся штукатурка, как кожа прокажённого, обнажает кирпичные раны. Порванные провода, фонарные столбы на земле, как воины, павшие в неравном бою, брошенные посреди улиц куклы и грузовики, осколки стекла, трещины в асфальте.

«Прости меня, мой дом родной», – надпись на стене краской рядом с плакатами: *«По заветам великого Ленина...»*. В домах на полу валяются грампластинки и детские игрушки, портреты в рамках улыбаются голым стенам, а в горшке на подоконнике ещё цветёт какое-то растение – единственный выживший. Северный ветер с моря делает воздух прозрачней, а солнечные блики на старом паркете ярче. Люди обрели новую жизнь, а города пропали.

– После смерти отца мама вышла замуж за того, кто подписал приказ об упразднении города и переселении.

– Братство Псов отличается верностью. Здесь у тебя будут дом и семья. Больше не о чем сожалеть?

Маленькая провинциальная библиотека. Белобрысая детская головка склонилась над книжкой. Лёгкий укол в сердце. Здесь ты впервые узнала о радуге – даре Прометея людям. Я же знаю это так давно, что не помню, кто поведал мне о семи цветах света, семи нотах музыки сфер. Часто бываю в библиотеке Храма, сразу за первым поворотом лаби-

ринта, люди входят сюда без стука не только во сне, но и наяву. Озарения. Коллективное бессознательное. Общечеловеческая память. Иногда к нам заглядывают поэты, музыканты, художники, учёные. Но ненадолго: зачерпнут вдохновения и исчезают. Лишь я вынужден бродить в одиночестве меж книжных полок в надежде найти хоть одну книгу, которую не читал. Временно исполняющий обязанности хранителя вечности. А скоро и мне на смену придёт кто-то другой, вечного возвращения не бывает. От столетия к столетию факелы в библиотеке тускнеют, небесные сферы под потолком вращаются всё медленнее.

Сферы когда-то были одной из великих тайн Храма Сириуса, но благодаря пифагорейцам, открывшим гелиоцентрическую систему мира, стали достоянием библиотеки для всех. Мы даём людям то, что они могут принять: входят в библиотеку, но не в Храм. Вечный мир, живой, слитый воедино, невозможно объяснить низшему, земному существу, разорванному временем на куски, мёртвым языком, разобранном на буквы. Но и библиотеку посещают редко: у них теперь есть телевизор и Интернет. Глобальная сеть, победившая время: люди могут стать свидетелями всех событий Земли, нажав на кнопку. И в твоём захолустье у Белого моря всё это было, жители создали свой web-сайт, пытаюсь сохранить город хотя бы в сети, когда...

– Библиотека сгорела. Той весной началось наводнение, а потом пожар. Где-то искрила проводка, произошло замы-

кание. Город остался без света, тепла, электричества. Пожар затушили, жителям приказали покинуть город, отказников списали, как списывают мёртвые души. А я купила плацкартный билет на поезд Мурманск – Сочи. Но и там не задержалась надолго: единственный близкий мне человек разбился в горах.

– В ночь, когда он погиб, ты видела странный сон...

– Танцевала лезгинку, а потом летела через горы к океану.

– В символах сна открывается истина. Лезгинка – древний священный танец орла, олицетворяющий греческое предание о Прометее. Для обозначения печени и орла лезгинки – потомки анатолийских греков – используют одно и то же слово «лекъ». Ты взломала предсмертную галлюцинацию Арно и освободила от нового рождения.

– Но я не могла! Я любила его.

– Любовь – один из каналов в вечность. Слышала когда-нибудь о психофорах⁶, переносчиках душ? Они показываются людям в образе птицы. Ты вывела Арно к свету, за пределы Спирали.

– Спирали?

– Как небо вёснами шлёт молнии первобытного огня вместе с грозой на землю, так мифу суждено повторяться снова, снова и снова. Смысл – в возвращении. Спираль жизни есть трискелис, трезубец Посейдона, символ бега времени: рож-

⁶ Психофоры, согласно мифам античности, – птицы, доставляющие души умерших в иной мир (буквально «переносчики душ»).

дение, смерть и возрождение. Но способен видеть её тот, кто уходит в свет, за пределы времени и пространства.

– Но там, за пределами, была скорбь, ощущение страшной утраты. Словно умерли все, кого любила, словно отняли радость, надежды, любовь... И темнота! Я видела стену темноты.

– Спираль и есть та воронка, куда уходят человеческие чувства, мысли и облик, а время и пространство сжимаются в точку, откуда и появились вначале. Ты видела стену темноты вместо Спирали, потому что должна была вернуться, а скорбь по всему земному помогла тебе. Прошла первое испытание, не зная об этом. И мы выбрали тебя тринадцатым. Ловцом взломщиков снов.

– Я буду уводить их в Спираль? Лишать права на перерождение?

– Да. В книге Гермеса сказано: познающий человек есть Бог. Боги же бывают разными, Демиургов больше. Когда человек обретёт память всех земных воплощений и поймёт, в чём его предназначение, то не последует ему, а попытается изменить. Власть над временем использует для себя, а не во благо другим. Но меняя свою судьбу, поневоле меняет и связанные с ней судьбы, причём не в одном рождении. Мастерство ловца поможет сохранить гармонию, вернуть отступников, подчинить их свету.

– А что там, в свете?

– Ничто. Арно утратил свою суть и сам стал светом. Ты

многих уберегла от бед. Люди используют знания, чтобы превзойти или уничтожить других. Думают о своей жизни, как о стволе дерева, где ветки – жизни тех, кто рядом с ними, но никогда о том, что для других их ствол – такая же ветка, и её с лёгкостью можно сломать ради новой. Все истории Вселенной возникают и проникают друг в друга. Нить времени, сплетённая из триллионов ветвящихся человеческих судеб. Нужно беречь космос от хаоса.

– Но что он искал? Все эти странные фотографии, иероглифы, карты...

– Седьмое измерение, где наши настоящие, прошлые, будущие времена сосуществуют со всеми их возможными, но не воплощёнными, и невозможными вариантами. Богатый выбор, не так ли?

На экране Храма – Гибралтар. Подводный дракон стережёт город из белых и жёлтых домов у подножия. Мост тянется к хребту и тонет в тумане. Пробка, машины медленно движутся по мосту вереницей, словно огоньки потерянных душ. Наши предки верили, что Геркулесовы столпы – путь в вечность, ворота в неизведанное. Элизиум, Сад Гесперид, Асгард, Тир-Нан-Ог находились там, за столпами. Запад – место, где солнце западает за край, страна смерти и рождения многих цивилизаций. Разноликий рай, погребённый на дне океана. Мёртвый город. Атлантида.

– Арно попал в лабиринт случайно, как и другие взломщики, но распробовав, начал упорно искать отмычки ко всем

дверям. Энергия камней атлантов помогает свободно ориентироваться в потоках времени. Орихалк – сплав из ртути, золота, меди, олова, цинка и серебра – проводник энергии. Египетские жрецы могли плавить орихалк при определённом положении звёзд, а древняя земля хранила его в своих недрах. Сплав первых законов Посейдона, утраченных человечеством. Законов, дающих силу. Были ещё и кристаллы. Если на известный нам кварц можно записывать информацию, то кристалл атлантов делает обладателя ясновидящим. Пирамида, нарисованная на обороте одной из его фотографий, – уменьшенная копия Храма Посейдона и форма камней. Символ слияния четырёх первоэлементов с пятым – эфиром, светом, дыханием всего сущего. Четыре угла основания пирамиды – Земля с её четырьмя стихиями, сторонами света, временами года, тянущаяся к вершине треугольника – Солнцу. В треугольнике – смысл творения, он – первая проявленная из совершенных фигур. Два треугольника встретятся и сомкнутся в шестиконечную звезду. Три измерения пространства и три измерения времени. Звезда же, вращаясь, образует круг, великое ничто, вечность.

Смена кадров. Ты, конечно, узнала размытый голубой фон? Если солнце находится за спиной, море и небо сливаются на фотографиях. Гряда Дельфина. Азорские острова. Канары и пик Тенерифе. Вулканический остров Тира на Средиземноморье. Извержение вулкана было столь сокрушительным, что учёные обнаружили пепел в осадочных по-

родах в дельте Нила. Арно искал везде. Где находили чёрные и красные камни вулканического происхождения, могли найти и камни атлантов.

– Он стал опасен, и цепь перерождений пришлось прервать. Одно дело историки роют, и совсем другое – сумасшедший фанатик, проникший в тайны алхимии.

– Но тогда зачем он со мной... если знал, что Спираль, что я...

– Не знал. Он искал Атлантиду в разных местах, но не там. Искал землю, но сила не остаётся в земле, только в человеке. Твой любимый искал Атлантиду, не подозревая, что потомок её ночь за ночью засыпает у него на плече. Рано плачешь, мы не всё тебе показали.

Он шёл по пустыне к оазису, но дюны петляли. Усталый продолжал тащить тяжёлый рюкзак на спине. Хотел пить, но вокруг были пески. Упал без сил на горячий песок, а из рюкзака выпали жезл и чаша, ромб и меч. Он не знал, зачем хранит их связанными в рюкзаке, но не мог с ними расстаться. Безумный! Умер от жажды, и лицо стало маской Фокусника. Фокусник в маске жонглировал жезлом и чашей, ромбом и мечом – символами первоэлементов. Он был ловок, но ловкость некому оценить по заслугам. В пустыне нет зрителей. В пустыне зритель – он сам. Фокусник снял маску и исчез, растворился в нас. А в пустыне начался дождь.

– Нельзя стать Фокусником, не вынимая фигуры из рюкзака. Не научишься жонглировать своей природой, если бо-

ишься себя потерять. Безумный предпочёл умереть от жажды, но не открывать рюкзак. Вынул бы чашу из рюкзака, наполнилась бы водой. Понять суть вещей – значит превратить их в идеи. Чашу – в утоление жажды. Идею не выронишь из рук, чаш много и все они – чаши, одна заменит другую. В одних и тех же условиях можно быть как счастливым, так и несчастным. Дело не в сложившейся ситуации, а в отношении к ней. Несчастье – слепота, неверное восприятие счастья. Жизнь даёт ровно то, что нам нужно, а мы переворачиваем картинку. Познание начинается с потери любимых, а заканчивается потерей себя. Кажется, потеряла самое дорогое, но для кочевника дом – вся Земля. Временный дом. Мы – дети звёзд. Свет даёт жизнь и отнимает. Человеческая душа как аккумулятор накапливает энергию и возвращает обогащённой источнику бытия. Твой наставник, обучив тебя всему, тоже уйдёт в свет...

...потом. А пока выхожу из тени в центр Храма, шагаю в горящих факелов круг.

– Аморген. Последний рождённый. Выбрал Суд в качестве перехода.

– Суд? Зачем?

– Суд выбирают не все. Тот мир в переходе предстаёт таким, каким способен его постичь наш разум прежде, чем растворится в свете. Последний рождённый выбирает исповедь отрицания, чтобы прожить все земные воплощения ещё раз. Пересмотреть как фильм.

– И навсегда раствориться! Как можно жить, зная всё это, и не сойти с ума?

– Он всему научит тебя, не торопись с выводами.

– Да, но у обычных людей есть религия, она даёт веру в земной порядок, в бессмертие. Уверовав, они спят спокойно.

– Все религии родом из снов. Во сне человек уходит из материального мира. Как думаешь, куда? То-то. Мы не земная церковь, мы – братство. Нас не волнует, во что там играют смертные. Их религия – утешение слабых, притча для тех, кого согнули бы знания. Они способны лишь слепо верить или, будучи атеистами, влечить полуживотное существование. Мы же храним давно утраченные миром знания. Учёному не хватает образности языка поэта, и доктрины не находят понимания в массах. Поэту и философу не хватает доказательств и фактов учёного. Алхимики не брезгают никакими идеями, если они приоткрывают завесу истины. Вместе они изобретают язык познания. Братство не нуждается в толпе последователей. Необходимо сохранить преемственность, как у древних: египтяне приняли мудрость от атлантов, греки от египтян, христианские обряды воскрешения унаследовали таинство элевсинских мистерий и далее по цепочке времён, пока люди не откроются восприятию мира над ними. Пока не станут Фокусниками, проливающими спасительный дождь над пустыней, вместо того, чтобы внимать притчам и умирать от жажды.

– Но кто определит тот момент, когда они будут готовы? Вы?

– Вечность. Когда получит всех отступников. Когда взломщики отрекутся от себя и покинут лабиринт за ненадобностью. Когда рухнет Храм Сириуса. Когда...

– Понятно, что никогда.

– «Никогда» вне времени не существует. В «Текстах пирамид» говорится о двух его ипостасях: *nexex* – земном времени действия и *джет* – завершённом времени вечности. Сами часы придумали египтяне, как и календарь. Каждый час отображал то или иное действие. На древних печатях Египта изображён змей, глотающий хвост, или уроборос – «тот, кто закрывает часы». Замкнутый круг предопределённости земного пути. В *джет* хранятся результаты деяний, «никогда» же подразумевает событие, которое не случится, действие, которое невозможно завершить. «Никогда» – иллюзия времени. Но до тех пор, пока не узнаем, что закрыл уроборос, нам нужна будет помощь ловца.

Первый аркан пройден. Но твоё посвящение не завершено, на двадцать два аркана не хватит жизни.

Выход из лабиринта снов – там же, где вход, достаточно погасить факел. Одиннадцать факелов перед нами исчезают в темноте. Адепты просыпаются в своих постелях. На разных концах Земли заправляют постель, принимают душ, заваривают кофе, одеваются, идут на работу по мокрым ули-

цам Лондона, брусчатке Праги, пыльному асфальту Каира, мосту над Сенной, парковой аллее вдоль Афинского акрополя... Обыкновенное утро.

Ты просыпаешься с мыслью: «Чушь собачья!». Долго всматриваешься в пустоты трещин на потолке и произносишь: «Собаки! – это ругательство. Моё подсознание во сне пытается избавиться от чувства вины, переложить её с моих плеч на пёсьи спины». Думаешь, все тайные общества и братства – помешанные сектанты. Но тебе некуда больше идти. И ты любишь собак. Не раз наблюдал в кафе, как складываешь половину обеда в бумажный пакет и отправляешься кормить облезлых бродячих псов. Чувствуешь необъяснимую солидарность: они такие же беспризорники, как и ты. В следующий раз поразмышляй по дороге над тем, что люди чаще всего верят в невероятное, а я дам тебе перочинный ножик во сне. Маленькая ранка на запястье убеждает лучше седовласого жреца. Слова его звучат коряво зачитанной глиняной табличкой язычников, да и всё в Храме выглядит каким-то затхлым, вырождающимся ритуалом. А видеть сквозь стену из слов тебя не учили. Мне многое предстоит тебе рассказать. Ты сразу меня узнаешь. Почувствуешь северный ветер.

Выиграть у несчастья и смерти способен человек талант-

ливый. Видеть сны – тоже талант. И как любой другой он шлифуется, совершенствуется. В новом сне медленно продвигаешься вперёд, уходя на несколько шагов дальше в лабиринт. Первый поворот, второй, третий... Пока кто-нибудь не даст по затылку, не протолкнёт в глубину, и по возвращении перестаёшь понимать, где сон, а где реальность.

– Ориентируйся по Пёсёй звезде.

Понять бы, какая из них Пёсья? Над головой – мириады звёзд. И шагаю по звёздам и планетам необъятной галактики, высеченным на каменном полу зала с колоннами. Меня окружают изящные черноволосые женщины: одни из них с амфорами, полными вина, другие танцуют с зеркалами в руках или играют на арфах. Смуглые лица мужчин гладко выбриты и насторожены. Я – гость на чужом пиру. Я не такой, как они. В мелькающих овалах зеркал вижу жёсткие светлые волосы, зачёсанные назад, бороду и решительный взгляд. Воину следует походить на вулкан: если внутри закипает лава, отражённый двойник должен быть холоден, как скала.

Журчание арф сменяется странным звуком, словно пересыпают золотой песок или колышется на ветру поле солнечного тростника, нарисованное на стенах и колоннах. Вспоминаю, как называется инструмент в её руках – систр⁷.

– Я несу свет.

⁷ Сistr – музыкальный ударный инструмент (погремушка), считался даром Хатхор – богини неба, любви, женственности и красоты в египетской мифологии.

Женщины с зеркалами и арфами исчезают за колоннами, и она остаётся в центре зала одна. Маленькая и гибкая. Белое полупрозрачное платье открывает плечи и руки с тяжёлыми браслетами на тонких запястьях. Систры выписывают в воздухе непонятные мне символы и знаки. Солнечный песок продолжает сыпаться, золотой тростник шелестит на ветру.

– Моя жизнь – танец, засевающий поля радости, где нет усталости.

Подносит мне чашу с вином. Тяжёлый браслет, звякнув, соскальзывает до локтя, обнажая запястье. Вижу шрамы от кошачьих царапин.

– Кошка – земное воплощение Луны, что отражает солнечный свет ночью, оберегая нас от псов Дуата⁸, – улыбается она, – ради жизни пожертвуй всем. Пей.

Пью из её рук. Жадно. Никогда не был так счастлив. Силы уходят с последним глотком вина. Чаша падает на пол, реальность разбивается на мелкие осколки.

Перед глазами – больничный потолок, подкрашенный синим светом из окон. В ночном небе за окнами дрожит одинокая звезда.

В больнице я провёл почти месяц. Воспринимал прожитые дни как хаотично разлетевшиеся осколки. Но траектория каждого из них predetermined. Одно столкновение

⁸ Загробный мир, мир теней у древних египтян.

влечёт за собой другое. Я жаждал грозы, мне снились карты. Если бы гроза пришла вовремя, не стал бы играть. Пропах деньгами насквозь, и уличные бродяги, почуяв запах удачи, отправили меня в глубь лабиринта снов. Казино действительно ни при чём. А блондинка – такой же игрок. Так и сказала:

– Ещё как играю, но в другие карты.

Блондинка вызвала полицию, и если бы не она, меня бы здесь уже не было. Да и напали на меня тоже по странному стечению обстоятельств, когда шёл пустой, с бумажкой вместо денег в кармане.

Нет, это не осколки, а бильярд. Нужно научиться играть. Мастерски. Существует единственная реальность – взгляд лампы на зелёное сукно стола, где десять шаров выстроились в чёткую прямую линию. Лампа знает, что их десять. Но не игрок. Наклоняется и целится кием в шар. С его точки зрения шар один. Остальные девять никуда не девались, но прячутся за первым из десяти. Удар, и шары беспорядочно разбросаны по углам. Игрок снова ошибся. Мог бы обойти стол по кругу, но претендовать на ракурс лампы бессмысленно. Искажение углом зрения. Обман динамической памяти. Хаос не может быть реален, как сон во сне или сон наяву, где никто себе не принадлежит и не знает, кто он. А лампа поливает зелёное сукно равнодушным пластмассовым светом.

В бильярд мы с сестрой когда-то играли по воскресеньям.

А потом у неё появился «один тип» и исчез задолго до того, как стал «единственным».

– Она умерла. Болезнь. Агония. Выкидыш. Врачи не смогли остановить кровотечение.

Шар, вылетевший за край бильярдного стола.

– Тебя никогда не интересовало, как она живёт, что чувствует. Откупался от нас деньгами. Но одних денег мало, ей нужна была твоя поддержка, – сказала мне мать.

Я – плохой игрок.

– А если те, кто умирают рядом, умирают вместо тебя? Если они и есть необходимая жертва? – могла бы спросить блондинка.

И снова шары хаотичных мгновений, метаний в поисках того, чего нет, а возможно, и не было никогда. Попытка стать лампой над бильярдным столом.

Нет, лучше игроком, чей шар закатился в лузу или хотя бы вернулся на прежнее место, дав надежду на второй удар при на время отвлёкшемся сопернике.

Стояли над её могилой вдвоём с матерью. Оба в трауре на фоне белёсого неба, как в допотопной саге об оборотнях. Ветер выл за кадром немого кино. В голове вертелась избитая фраза для таких случаев: *«Мы расстаёмся, чтобы встретиться навсегда».*

Навсегда. Незыблемо и неизменно. Я будто врос в землю по пояс. А у могилы напротив два дерева переплелись кронами, как влюблённые из детской сказки про «жили счаст-

ливо и умерли в один день». Смерти нет. Она – всего лишь сон, и можно проснуться. Но уже не здесь.

Навсегда. Боль заставляет прозреть. На её месте должен быть я. Я должен был проснуться не здесь. Сестра умерла в ночь синей звезды, когда очнулся в больнице. Последние её слова мать записала на листке бумаги. Стряхнув оцепенение, извлёк листок из кармана и прочитал: *«Вино на чужом пиру превращается в кровь»*.

Время проваливалось в пустоту. Выдохся запах белых цветов – выращивали их вдвоём на кухне, в гостиной, в спальне. Мать срезала все и принесла умирать вместе с ней на холодной плите. Сестра их когда-то любила.

Я ничего не чувствовал. Пришёл домой и лёг спать.

Они сидели вдвоём на скамейке, спиной к спине, подтянув колени к подбородку. Солнце палило нещадно, трава вокруг была выжжена. Из окон откуда-то сверху доносилось:

– Ублюдок!!! Опять я виновата? Сволочь, ты мне всю жизнь...

Плач, звон битой посуды и крик разбавляла музыка. Кто-то играл на рояле, и разноцветные звуки текли по белёсому небу, как акварель. Внизу дворник, собиравший осколки с асфальта, порезал руку.

– Нам пора, – сказал он, – опоздаем на поезд.

– Это неважно сейчас, – сказала она.

– А что важно?

– Вернуть время, оно провалилось куда-то.

– Куда?

– Мне холодно. Осень. Дождь. И ветер крутит опавшие листья под ногами. Я знаю, что будет, но не знаю когда. Вижу себя со стороны, как на экране, и вижу асфальт под ногами. Прижимаюсь к стене, укрываясь от ветра. Стена ледяная и скользкая. Нужно куда-то идти, но не могу сделать ни шагу. Дождь превратил дороги в зеркало.

– Боишься зеркал?

– Да. Мне объясняли в детстве: за зеркалом ничего нет. Стена. Внутри него – отражения. Но я им не верю. Зеркало – клетка для образов. Пойманные они продолжают там жить, как в застывшем сне. И только и ждут, чтобы вырваться снова наружу.

– Нам нужно идти. Просто шагни.

– Я боюсь провалиться. Но знаю теперь, что вечное возвращение существует и на чём туда пишут послания.

– И на чём же?

– На зеркалах миров. Ведь один из них мой.

– А ты знаешь какой?

– Нет.

– Мы там вместе?

– Не знаю.

– Я постоянно спрашиваю тебя, что ты чувствуешь? Но ты молчишь или говоришь невпопад, как сейчас. Я тебя не понимаю.

– Я тоже. Восприятие – опыт, память, умение сравнивать. Девушка идёт в красном платье по улице мимо красной машины, и я знаю, что красный – это любовь, потому что вижу жёлтые деревья и чёрный асфальт. Могу видеть и отличать одно от другого. Но ты просишь описать цвет, которого не существует в природе. Попробуй, опиши его сам. Сможешь?

– Не знаю.

– Урод!!! – снова закричала женщина наверху.

– Я могу подняться и попросить их закрыть окна, – сказал он.

– Не нужно никуда подниматься, опоздаем на поезд, – сказала она.

Дворник выбросил в урну осколки. Пианисту наконец удалось нарисовать на белом небе красный воздушный шар. У неё были чёрные, гладкие, как зеркало, волосы и смешная короткая чёлка. Почему-то сидела босиком и в одной рубашке невыносимо жёлтого цвета. Не смотрел на неё, почувствовал всё это спиной.

Дождь-мажор разбудил меня. Играл на железном карнизе, как на рояле. Динь-дон, динь-дон. Джаз. Но некому было его слушать: все разбежались по домам, даже дети. Я закрыл окно. Оделся, умылся, наскоро позавтракал и отправился за деньгами в «Богемию».

У входа в метро чуть не сбила с ног маленькая девочка.

Подхватил её под руку, чтобы не упала. Девочка подняла голову... и я увидел сестру. Точь-в-точь как на семейной фотографии двенадцатилетней давности: испуганные карие глаза и полоски от шоколада в уголках рта – застучали за «преступлением». Вырвалась и запрыгала вниз по ступенькам, а я пошёл за ней. Так всегда бывает в кино. Ещё один сон?

– Стойте! Сюда нельзя! Станция закрыта. Выйдите и садитесь в автобус.

– Как он сюда попал? Заграждения поставили?

– Извините, не заметил.

Их и не было! А сейчас обернулся и увидел позади предупредительные знаки и яркую ленту по периметру металлических столбов.

– Я шёл за девочкой, она тоже здесь.

– Парень, какая девочка? Мы тут кино снимаем.

Сон во сне?

– Вы – в 5й эпизод? Свет, пожалуйста!

Высокий, прилизанный и с ног до головы в чёрном он словно вырезал себя из темноты.

– Великолепно! Взгляд, как у маньяка! Премию кастинг-отделу.

– Я шёл мимо...

Съёмочная группа – в замешательстве.

– Так вы не в эпизод? – тонкие пальцы вцепились мне в плечи.

– Нет, – попытался вырваться.

– А хотите сниматься в кино?

– Нет.

– Жаль. Мне нужен именно ваш типаж. Ложный крючок в сюжете. После сцены с вами все решат, что убийца – вы. Саспенс!

– Не хочу быть убийцей.

– А сыграть его? Мы вам хорошо заплатим. Вид у вас жуткий.

– М-м-м... Дайте зеркало.

Язык не повернулся бы назвать мой взгляд человеческим. Загнанный волк в зеркале скалился и рыл лапами землю.

– Ну что? – не отставал режиссёр, – саспенс?

– Да, – ответил я, – полный.

– Тогда идёте до середины зала, нагибаетесь и поднимаете карту с пола. Вертите её в руках, затем смотрите в камеру. Два общих плана, три средних и один крупный.

– Карту?

– Да. Здесь, в подземке, убита гадалка на картах Таро. Весь фильм ищем, что значит та или иная карта, чтобы понять, кто убил.

– И что они значат?

– Понимаете, в картах Таро зашифрованы древние магические символы. Арканы Таро в мистериях впервые упоминаются в книге Тота. В Древнем Египте посвящённый должен был сперва пройти двадцать два аркана, где противоположные по смыслу картины изображали законы жизни,

тайны бытия, располагаясь в нефах храма попарно – напротив, дополняя и объясняя друг друга, соединившись в общий смысл. По легенде, во время войны египетские мудрецы думали, как сохранить и передать тайные знания. Добро слабее и незащищённо перед злом. А порок живуч, решили они, и будет процветать. И нанесли тайные символы на карты. Но символы нужно уметь читать, они двулики. Что для нас настоящая находка, фильм получается многослойным, зритель постоянно обманывается, а напряжение с каждой сценой растёт.

После слов «Стоп! Снято!» внимательно рассмотрел свою карту.

Подпись: «Туз мечей».

Изображение: рука с мечом, занесённая над лабиринтом.

Зал казино был пуст, как бывает в дневные часы. Направился сразу к кассе. «Туз пик не придёт, снова придёт червонный», – вспомнилось по дороге. Чаша вместо меча.

Пока кассирша отсчитывала деньги, читал надписи на дверях. «ВЫХОД ТАМ ЖЕ, ГДЕ ВХОД». Вот оно, озарение! Нужна реконструкция событий. Перемотка назад, как в кино или криминалистике. Можно до бесконечности ходить по кругу, если не знаешь порога, откуда начался твой путь. Можно идти вперёд, не оглядываясь в прошлое. Но если не известен исток, то исход непредсказуем.

– Ваш выигрыш, пожалуйста, Ульвиг, – улыбнулась кас-

сирша.

Знакомый оскал. Стоп. Что она тогда сказала? «*В имени заключена судьба*»?

– Будем рады вас видеть.

– Нет, спасибо, я завязал играть.

И снова Нусельский мост. В небе меж двух чёрных монахов корчился зародыш ребёнка. Молчаливая претензия сестры. Облака и тучи порой принимают странные формы.

Набрал номер матери.

– Как ты?

– Стараюсь держаться. Не переживай за меня.

– Ладно.

– Ульвиг?

– Да?

– Ты о чём-то хотел спросить?

– Почему ты меня так назвала? Странное имя, не находишь?

– Ты сам себя назвал. Разве я не рассказывала?

– Не помню.

– Ты родился молча. Ни единого звука. Не плакал, не кричал, как другие дети. Говорили, тебе не понравилось то, что увидел здесь, на земле. Говорили, немой. Но спустя неделю взяла тебя на руки, ты улыбнулся и чётко произнёс: Уль-виг. Медсестра, стоявшая по другую сторону кровати, сказала, что ты просто укнул. Но я слышала имя: Ульвиг. Понимаешь?

– Кажется, да.

– Так и записали в документах. Нельзя же отнимать у ребёнка имя, которое он сам себе выбрал.

Вернувшись домой, начал поиски в Интернет.

«Возможное происхождение имени, – выдал Google, – древнескандинавское, кельтское, древнегерманское. Значение: *úlf* – волк, *víg* – война». Вместе, вероятно, читается «волк войны».

«...Учёные расходятся во мнениях, какие из древних племён считать исконно кельтскими. Древнегреческие историки Геродот, Гекатей, Страбон, Полибий, Диодор Сицилийский описывают варварские племена *keltoi*, *galtae* (кельты, галлы), с кем вели войну и торговлю...

...В ходе археологических раскопок в окрестностях Праги найдено множество древних дольменов ранних кельтов. Само название Богемия (страна бойев) произошло от названия кельтских племён, населявших эту территорию в течение нескольких веков до н. э. Наша земля хранит уйму тайн и ответы на многие вопросы», – прочитал в первых строчках предисловия книги о кельтах.

«Скачать?» – всплыло в электронном «окошке».

Да. Мне бы докопаться. Ответить на вопрос: «Как мне жить дальше?» получится, если спросить себя: «Кто я? Откуда пришёл и куда уйду после?»

Эпизод 4. Ветер

Ветер-ветер, ты привёл в Москву осень. Холодно, люди прячутся под зонтами. Дождь превратил дороги в зеркало. У меня кружится голова, когда смотрю вниз: страх высоты. Под тонким стеклом воды скользят неоновые огни рекламных щитов, разноцветные блики светофоров и машинных фар. Как нам живётся там, под асфальтом, в перевёрнутом мире? Яркие пятна зонтов спешат и спешат куда-то у меня под ногами. Побег из одиночества улиц. Страх остаться наедине с собой, провалиться в себя, уйти в свои мысли. Не чувствовать границу миров: при столкновении всегда больно. Они звонят кому-то и наполняют наш мир трелями и пустой болтовнёй, и мир оживает. Сиюминутные слова и мысли создают нашу жизнь, как в кино набор статичных картинок – видимость движения. Я тоже боюсь потерять связь с реальностью. Нужно поверить, что существую, иду по асфальту, а не плыву под ним, не размываюсь дождём. Подумать о чём-то обычном. О том, что кончились сыр, масло и хлеб. Что завтра – четверг, а в кармане – билеты на субботнюю премьеру, и придётся как-то убивать два дня. Что дальше? Бар «Прага» – прямо по курсу, влить в себя немного тепла.

Прага носит наряд красно-чёрного цвета. Жар раскалён-

ных солнцем улиц заливают ледяные дожди, яркие черепичные крыши рассекаются мрачной готикой. Абсент приглушает контрасты. Недаром поэты отправлялись к Харону за вдохновением и сплавляли души по вечнозелёной реке. После абсента снятся потусторонние сказки. Современный Стикс не содержит галлюциногенов, но вызывает сужение сосудов и лёгкую гипоксию. Полёт над мостами Старого города. Никогда не была там наяву, только во сне.

– Дрожишь, хочется согреть, как ребёнка, своим теплом.

Обхватывает меня руками, затылком чувствую его дыхание. С Нусельского моста наблюдаем рассвет над Прагой. Первая встреча во сне, не научилась одеваться, стою босиком, в одной рубашке. Рубашка – жёлтая, из-за неё всегда увольняли. Приподнимает меня, встаю босыми ногами на его кроссовки. Так теплее, не на холодном камне.

– Почему одних людей всю жизнь считаешь чужими, а другие кажутся близкими в мимолётном сне?

– Люди по-разному проникают друг в друга. Есть внешнее тепло, как от камина, чужое, вышел на улицу и тут же замёрз. А есть внутреннее, как от глинтвейна, его можно унести в себе, согревает под дождём и снегом. Ты же любишь заказывать глинтвейн в баре?

– В баре я пила абсент.

– Напиток забвения, как и эти цветы.

Он держит в руке ветку белых лилий. Семь бутонов: три закрытых, четыре распустившихся. Как раньше могла их

не заметить, не почувствовать аромат? Наверно, во сне всё происходит внезапно или наоборот вовремя и к месту, после определённых событий, слов, мыслей или воспоминаний.

– Не помню, как называются. Не чувствую, как пахнут. Запахи вызывают воспоминания. После смерти сестры большая утрата ушла вместе с ними.

– Лилии. Жаль, что твоё обоняние не сохранило лучшие из них: цветочные, дождя, реки, рассвета, человеческие. Есть такое явление синестезия, смешанные чувства, когда звукам придаётся цвет, запахам – вкус или ощущения. Всё, в конечном счете, эмоции. Я помогу тебе вспомнить.

Вкладывает ветку лилий мне в руку, проводит большим пальцем от ладони к запястью и приподнимает рукав рубашки. Стыдно: руки изодраны Луной до локтя. Для него же царапины – что-то вроде опознавательных знаков. Чувствую, как улыбается за спиной.

– Запах живой, как море или мой пульс. Маленькую синюю венку на запястье прижимаешь чуть-чуть и чувствуешь тёплое биение, оно становится сильнее и сильнее, пока твой пульс не начинает биться в такт. Захватывает мощный поток энергии. Так запах лилий распространяется по улице: сначала тонким биением, лёгким прибоем, затем превращается в мощный шторм. И солёные брызги долго чувствуешь кожей, слизываешь с губ. Запах обволакивает со всех сторон, сопровождает повсюду, куда бы ни шёл.

– Красиво.

– Есть лучше. Я хочу сохранить твой запах. Пусть бежит за мной по Москве, живёт в моей спальне, когда проснусь.

– Мне бы тоже хотелось тебя сохранить. Расскажешь?

– Себя я не чувствую. Зато чувствуешь ты на уровне подсознания, как птицы ориентируются в небе по магнитному полю Земли, а дельфины находят друг друга в море при помощи эхолокации.

– Мы не дельфины и не птицы. У нас есть билеты на поезд.

– Она – истеричка, а ему нужна женщина!

– Ещё скажи, такая, как ты!

– А почему бы и нет?

А почему бы вам не заткнуться? Хотя бы в шесть утра, когда весь дом спит? Мои соседи сверху снова что-то не поделили. Сейчас он заорёт матом, она в ответ кинет в голову тарелку или пепельницу, он пригнётся. Я инстинктивно отпряну от окна. Дворник, убирая осколки с асфальта, снова порежет руку. То ли в проекторе киноплёнку заело, и на экране навсегда застыл этот выцветший кадр, то ли режиссёр – параноик и смонтировал подряд несколько дублей, то ли женщины предсказуемы: сначала покупают посуду, потом быют. Женщина и в Эдеме найдёт что разбить. А мужчина купит в магазине игрушек детскую железную дорогу, как напоминание о снах, что больше не снятся. Маленькую железную дорогу, на неё смотрят свысока и никогда не сядут в вагон,

потому что настоящий поезд уже пропустили. И не помнят, куда собирались уехать. Счастье не позволено, не принято, не допустимо. Сказки заканчиваются свадьбой, а дальше – в жизни – всё должно быть «как у людей». Нельзя переводить стрелки на железнодорожных путях. Нужно бить тарелки. Мир закипает под ногами, как чайник. А я – вирус, уцелевший в кипятке.

Знаю, что ты ответишь:

– Мне не нужен рай, где тарелки кидают в голову, а дворники режут руки. И не сдашь билеты на поезд.

...поезд. Меня разбудили, когда держала в руках билеты на поезд. В билетах значились наши имена: Кира и... Ульвиг. Да, во сне твоё имя – Ульвиг. А может, и наяву тоже? Моё же имя не изменилось во сне.

Кофе и сливки смешиваются в чашке: чёрное с белым. Если миры проникают друг в друга, то и человек способен перемещаться во времени и пространстве, как по шахматной доске. Любой шаг – выбор, творчество будущих времён, творчество судьбы. Можно верить, что жизнь есть поезд, мчащийся в замкнутой темноте тоннеля по ветке метро, и тогда конец predetermined. А можно ездить по железнодорожным путям со множеством разветвлений и поворотов, самостоятельно переводя стрелки. Если способен свернуть на перекрёстке в нужную сторону или выйти на знакомой станции, то всё обретает смысл.

Древние египтяне верили: знаешь имя человека – владе-

ешь его судьбой⁹. А Google помнит всё. Любой из нас хотя бы однажды искупался в море. Сеть и есть море, но не воды – энергии, и все слова эмоционально заряжены. Людей, ни разу не бросивших бутылку с посланием в сеть, не существует в современном мире. А бутылку из воды почему-то вылавливает всегда тот, кому адресовано или кого касается запечатанное в ней послание. Сеть сохранит резервные копии, даже если само послание удалили.

Записки на зеркалах миров:

«Я тебя ищу...

...А что ищешь ты?»

Складываешь пазл, но кусочки не подходят друг другу. Яркая мозаика из запахов, звуков, образов и деталей снов. Вспомнить все искорки и сплести полотно. Но нитки разные: шёлк, шерсть, лён, ... – не плетутся. Где в твоём мире сон, а где реальность?

Всякий раз просыпаешься, будто воскрес в иной жизни. Не знаешь, что произошло, изменилось в твоё отсутствие. Единственное доказательство реальности – смысловая точность, логика, причинно-следственная связь событий. Жизнь по сюжету. Но попробуй связно его пересказать, получилось? Есть ли в нашей жизни сюжет? Чёткая прямая из точки А в точку Б? Помнишь ли ты все события прошедшего дня? То-то и оно. Огромные куски времени теряют-

⁹ Бог Ра творил мир словом, названных в нём не существует, а имя определяет судьбу, предназначение.

ся, и никто не знает, где их искать. Для понимания нужно не фрагментарное, а целостное и неделимое восприятие, как в рассказе Борхеса «Фунес – чудо памяти», где каждая секунда бытия навсегда остаётся перед глазами.

Задумалась об этом впервые в темноте кинозала: клиповый монтаж – провалы во времени, мультикадр – «вечное сейчас», где причина и следствие слиты на экране. А чуть позже нашла в электронной галерее картины Джексона Поллока. Художник разбрызгивает краску с кистей на холсты, расстилая их прямо на полу, и утверждает, что, рисуя, не осознаёт, что делает. Неудивительно, что картины напоминают одновременно кадры клеток крови и первичного бульона Вселенной. Реализм абстракции. Зрители возмущаются: работа подсознания стоимостью в миллионы долларов! Я тоже не понимала, пока в Венеции в музее Пегги Гуггенхайм не оказалась в круге его картин, не почувствовала себя частицей мироздания. Голова кружилась от масштабности происходящего и от собственной ничтожной роли в вечном спектакле жизни, захотелось выйти, прогуляться вдоль каналов, подышать свежим воздухом лагуны, закурить, выпить вина, ощутить твёрдую мостовую под ногами, почувствовать себя Человеком – отдельным и целостным существом, а не лучиком света в море энергии. Критики пишут: «Поллок – алхимик, нашедший начальную точку бытия или *massa confusa*, претворение хаоса в мир». Становление происходит внутри нас. Искусство никогда не лжёт. Смотри и старайся

увидеть. И что же тогда реальнее: жалкие фрагменты жизни, сохранённые разумом, или сновидения, которые, если верить Юнгу, помнят всё от начала времён, все наши жизни земные и неземные? Бабочка ты или Чжуан Чжоу?¹⁰

Пересмотрев своё прошлое, поняла, что жила во снах: отчётливо помню все, начиная с детских, но события и лица яви растворились в потоке времени и оживают лишь внутри фотографий. Сны советовали, предопределяли, направляли, придавали значение многим моим поступкам, а жизни сюжетную линию. Не знаю, как ты, а я верю в созданное нами пространство снов. Там теплее, чем в жизни. Возможно это иллюзия, но если у человека нет ничего, кроме иллюзии, она и есть реальность.

Ульвиг – редкое имя, что сокращает время на поиски. 1627 ссылок. Волки наследили в сети. Кто из них ты? Тот, кто ведёт дневник сновидений и пишет по-чешски. Благо через «PROMT» можно читать его web-страницы в переводе.

Красивое фото: у тебя зелёные глаза, а разрез действительно волчий. Такие, как ты, не умеют артистично улыбаться. Я тоже никогда не притворялась. Психологи твердят: редко удаётся создать семью тем, кто не улыбается на фотографиях.

– Малыш, почему ты всегда гуляешь в парке одна? – и дальше жест общей нежности – провести по моим волосам. И точно так же погладить по голове другую – чуть даль-

¹⁰ Даосская притча из книги Чжуан-цзы.

ше по аллее. И назвать её «малышом», не понизив голоса. Одинаково улыбаться и говорить одни и те же слова разным людям у них в порядке вещей. Паскудство от оскудения чувств, от скуки мыслей и слов. Я шарахаюсь, боясь заразиться. И мою голову. Даже мама не говорит то, что думает обо мне, прямо. Одна Луна непосредственна: то царапается, то ластится, но от всей кошачьей души и всегда ко мне, не обобщая. Если обобщение – пошлость, то обобщать людей пошло вдвойне. Смешно, но получается, в целом мире меня по-настоящему любит только кошка. У неё нет выбора, а у всех остальных есть. И не в мою пользу. Если бы люди любили, как звери!

Когда исполнилось двадцать семь, родители махнули на меня рукой. А я рассматриваю чужие фотографии в сети и думаю, почему на них счастлива не я, а кто-то другой? Читаю дневники и проживаю чужие дни, месяцы, годы. Кто-то любит себя демонстрировать, даже если нечего показать, а кто-то смотреть, хоть до тошноты надоело. И мой глаз в замочной скважине. Ощущение сопричастности.

Сначала у меня было кино, но потом его перестало хватать. Верила в жизнь на экране, пока ты не бросил мне меч. Разрезала полотно и шагнула в зазеркалье, в лабиринт твоих снов. Знаю, что многие люди видят сны из далёкого прошлого, будущего и даже сны посторонних. Можно всю жизнь подглядывать сквозь замочную скважину и просыпаться в привычном материальном мире. А можно взломать

дверь и попытаться найти то, что спрятано внутри зеркала. Кошку в тёмной комнате. И не говори, что её там нет. В комнату рано или поздно заглядывает луна. Цвета меняются в полумраке, не на свету и не в полной темноте. Счастливый ничего не хочет, убитый горем не способен идти, а несчастный ищет, как лунный свет пытается растворить темноту комнаты, проникая через окно. Могут ли сны одних людей влиять на явь других? Умеем ли мы воплощать в жизнь чьи-то сновидения?

Первая запись в твоём дневнике о выигрыше в казино, ты предвидел его во сне. Связываешь покерную удачу со своим происхождением. Кельты были магами, а пророчества черпали во снах. Три туза. Чаша, ромб и жезл. Четвёртым тузом пришёл бы меч.

– Сможешь поймать? Нерешительность – признак несчастливой судьбы...

...бронзовая рукоять с резными узорами в виде трёх догоняющих друг друга спиралей...

Кельтский трискелис. Три стихии пространства: море, небо и земля. Три проявления времени: рождение, смерть и возрождение. Спираль жизни. Вижу её повсюду: в резных решётках дверей и окон, на кончиках пальцев, в водоворотах дождя из труб в лужах.

Дата записи: в тот день в Москве была сильная гроза, а в кафе мне принесли листовку интернет-казино вместе со счётом. Веер тузов на зелёном сукне: червонный, бубно-

вый, крестовый и пиковый. У меня их было четыре. Ты отдал меч мне. Фокусник в городе гроз, я узнала тебя!

Рассказываешь о снах и поездках по местам археологических раскопок близ Праги. Тебе помогают те, кто изучает сны, и те, кто восстанавливает историю Богемии по осколкам захоронений. Всего в Чехии найдено пятьдесят курганов древних кельтов. Вы обмениваетесь опытом и новостями. Твои посты собирают десятки комментариев: советы «бывалых» искателей, карты и схемы раскопок, фотографии и адреса музеев, где выставляются те или иные артефакты, предметы искусства. Разумно, информация в режиме on-line и из первых рук.

На фотографиях: спиралевидные, вьющиеся узоры на древних чашах и рукоятках мечей, мифические существа – наполовину люди, наполовину звери – стерегут амфоры. На котле для вина человеческая голова заканчивается хвостом животного, а животное держит в зубах человеческую голову. Символ бесконечности, похожий на змея, глотающего хвост. Одно из двух: или кельты создавали всё это во сне, или вино лилось рекой. Культ изменённого состояния сознания. Многие древние обряды совершались в транс, близком ко сну. Сны же были пророческими, помогали вытащить выигрышную карту из колоды вариантов реальности.

Сны возвращают тебе мифы и предания древности, память поколений. Во сне теряешь связь с сиюминутным и ви-

дишь своё «истинное лицо»:

Vlk ve mně...

...перестаёшь смотреть на себя глазами окружающих и соответствовать чужим ожиданиям, обретаешь силу истоков...

...našel svobodu¹¹...

...смутно чувствуешь, кто ты и откуда пришёл.

Встаёшь на четвереньки и роешь лапами землю. Волк войны. Ветер воет за кадром минувших столетий и переворачивает страницы исторических книг в твоём дневнике.

Соль, золото, вино, кровь. Сначала соляные копи в Альпах и сотни смертей на добыче белого золота, позволявшего хранить мясо. Мясо и соль меняли на солнечное золото средиземноморских стран. И на вино. За кувшин вина могли запросто отдать раба. Раба, чьи руки изъедены солью. Кельтская цивилизация испытывала постоянную потребность в золоте и вине: золото хоронили вместе с хозяевами, а вино служило отправлению жреческого культа. Элита уничтожала богатства, запросы были столь велики, что разрушали общество. Отряды бывших рабов в поисках лучшей доли шли через горные перевалы, жадно вдыхая ветры с запада, юга, востока. Ветры судьбы вольных наёмников. «Этот народ одержим войной, горяч и ловок в битве», – писал о кельтах Страбон. Слава гремела далеко за пределами Европы. Их отряды нанимали на службу Рим, Карфаген, Египет.

¹¹ Волк во мне... обрёл свободу – пер. с чешского

Кельты презирали смерть. Полибий упоминает о культе дикого зверя у галатов: воины впадали в боевое неистовство и шли в атаку нагими и без доспехов. Эйфория, упоение битвой – *Vlk ve mně*, которого нужно кормить. Воины становились заложниками собственной ярости, войны не прекращались. Один покровительствовал волкам, а Вальхалла светила лишь храбрым сердцем¹². Древний кельтский миф повествует о сердце воина. Враг догадался, что убили не настоящего героя, когда к вырезанному из груди сердцу поднесли меч, и оно дрогнуло. Незнание страха. Уподобление зверю ускоряло реакцию, обостряло экстрасенсорные навыки. Зверь предугадывал любой удар и успевал отбить его или отскочить, не чувствовал ран и умирал после боя. С мечом в руках. Иначе Вальхалла закроет врата.

Ты стоишь на вершине горы и нюхаешь ветер. Но ветер так часто меняет направление, что не знаешь, куда идти дальше: на север, на запад или на юг.

Ищешь меч. Но ищешь не там. На тебе нет клейма раба, а руки не изъедены солью, иначе не держали бы меч. Ты покинул страну боев. Был воином, перешагнувшим альпийский рубеж.

Ты – гость на чужом пиру. Но пир этот не Вальхалла. В Вальхалле не растёт солнечный тростник. Тростник растёт на Земле. В стране, где осыпаются дюны золотого песка,

¹² Вальхалла – небесный чертог бога войны Одина в Асгарде, образ кельтского Рая, вечный пир для павших в бою храбрых воинов.

и северный пустынный ветер рвёт волосы и одежду.

Я была там во сне и помогу тебе вспомнить.

Я несу свет.

Как ярко! И больно глазам даже сквозь плотно закрытые веки. Солнечный свет захватил в плен всю комнату. Штор у меня нет, а окно слишком низко, и солнце бьёт в глаза, когда просыпаюсь. Маленький summer-house¹³ на побережье Мальты. Зимний островок аскета. Одна комната, две кровати, кухонный стол, душ, камин и ковёр для медитаций на полу. Большого мне не нужно.

Щурюсь на солнце, а память меняет слайды в проекторе. В одном из них непривычно тепло для января.

– Сегодня тихо, – сказала Маугли тем утром, – море как зеркало.

Стояла, облокотившись на подоконник, и пила законную синь глазами. Стоять было неудобно: высокая, а в дверь мы входили пригибаясь. Напряжённая поза статуи, расслабленный взгляд. Смотрел, как резкие тени, словно углём, чертят линию её бёдер, и думал о том, что историки никогда не увидят цвет глаз атлантов, никогда не найдут Атлантиду. Море никому не выдаёт своих тайн. Оно везде и нигде, внутри и снаружи, без конца и начала. Земной образ вечно-

¹³ Летний домик (англ.)

сти, громогласное безмолвие, неугомный покой, переменчивое постоянство.

– Вчера ненавидела тебя за сквозняк, как на севере в лютую зиму. А сегодня ветер стих. И кажется, никого не было ближе тебя. Это ангелы, да?

– Ангелы?

– Помнишь, ты рассказывал легенду о проникновении? На небесах скучают ангелы – наши двойники. Не могут заняться любовью: у них нет тел. Зато могут совершить обряд проникновения. Говорил, это похоже на прыжки через костёр. Две светящиеся тени на миг сливаются и вновь расстаются. Но внутри нас зажигается их огонёк, шепчет тёплым дыханием в сердце, подталкивает навстречу друг другу, меняя наши пути.

– У меня нет ангела, Маугли.

– А вдруг он вернулся?

– Нет, невозможно. Сделка обратной силы не имеет.

– Сделка последнего рождения? Так сильно хотелось всё вспомнить?

– Да. Память и есть бессмертие.

– То есть ты счастлив и ни о чём не жалеешь?

Жалею? Боюсь, я не понимаю уже, что значит жалеть. В древних писаниях сказано: *«Тень – это всего лишь место, где останавливается свет»*. Пока сам её отбрасываешь, не задумываешься о богатстве мира светотеней. Вы совершаете ошибки и познаёте, ваша жизнь полна открытий

и разочарований, а я знаю всё. Что было, что есть, что будет, что могло бы произойти, но не произошло. Знаю, почему всё случилось или случится так, а не иначе. У меня на полу под ногами – полоса яркого ровного света. По-настоящему несчастлив тот, кто не отбрасывает тени. Но я не чувствую горечи. Тень притягивает меня, как художника притягивал бы росчерк угля на белом листе бумаги.

– Тогда можно погладить сову? – не отставала она.

– Нет!!!

Я злился, она расходовала энергию. Эмоции, эмоции, эмоции – воронка, куда уходили все силы. Должен был научить её беречь энергию для снов, а вместо этого злился и тратил свою.

Что за дурная привычка всё трогать руками? Переставлять предметы в доме? Ничего потом не найти! Нельзя познавать мир на ощупь. Не выношу, когда прикасаются к моим вещам! Нельзя девочке расти в провинции. В природной сообразительности ей не откажешь. Но чувство такта отсутствовало напрочь. Да, мне многому пришлось её обучить помимо искусства ловца. Чего стоило привить хотя бы чувство меры! Никогда не пользоваться разными духами. В Англии презирают людей, покупающих дешёвые подержанные автомобили, чтобы, не продавая ни одного из них, менять под цвет одежды или под настроение. Точно так же она наполняла мой дом запахами цветущих вишен и яблонь, магнолий, зелёного чая и лилий, иланг-иланга.

– Ложись на другом краю ковра, пожалуйста, когда медитируем. Не могу правильно дышать. Задыхаюсь! А иланг-иланг тебе противопоказан. Это афродизиак.

– Сами сказали: любовь – канал в вечность, я – ловец взломщиков. А ты – сноб!

– Для взлома не нужен совместный сон. Разве что тебе не хватает тепла. Достаточно заставить человека думать о тебе. Не важно как. Займи денег, спаси жизнь, узнай тайну. Опытный ловец взламывает сон и ведёт за собой, находясь за многие километры от жертвы. Со временем не придётся встречаться с приговорёнными.

– С приговорёнными? А может, вы и столкнули машину Арно в пропасть?

– Нет, я почувствовал, как камень попал под колесо, и мысленно пожелал тебе не увидеть Спираль. Мы не можем менять ход событий. Кто должен разбиться – разобьётся, кто должен взлететь – взлетит.

– Вы – шайка бандитов. А я – убийца. Знаю, чего вы ждёте от меня. Человека охватывает безумие, когда им управляют разные ложные личности, которые выходят по очереди в центр круга, в свет. Однажды они решают уничтожить настоящего – в тени. И человек теряет свою суть, свою личность, заснувшую навсегда. Врачи говорят: безнадёжен, не разбудить. Ничего не напоминает? Ваш совет в Храме Сириуса!

– Необязательно убивать человека, можно убить его ве-

ру...

– ... и тогда он покончит с собой!

– Нет, ты не слушаешь меня. Веру в сверхъестественное, я хотел сказать. Веру в то, что реальностью можно вертеть, как вздумается. Мы должны избавить людей от разрушительных иллюзий. Они никогда не поймут, что все времена существуют: и прошлое, и будущее, и настоящее. Нет вариантов будущих времен, всё в мире предопределено и уже существует, жизнь не поезд, нельзя переводить стрелки на железнодорожных путях. Измени что-нибудь в настоящем, будущее не свернёт в сторону – исчезнет дорога. Ты живёшь одновременно во всех перерождениях, а сны собирают кусочки яви в единое целое. Жизнь – тот же сон внутри сна внутри другого сна, а реальность – матрёшка времён, вечное возвращение пифагорейцев¹⁴. Отражённый коридор свечей. Но свеча на столе одна. Затуши её, и все зеркала отражат темноту. Жизнь – мистерия, и у всякого актёра своё место на сцене. У Иуды – та же чаша, что и у Христа. Неминуемая. Тридцать сребреников – цена веры. Смерть на кресте создаёт героя, герой – миф, вера в миф – искусство, искусство – цивилизацию. Да, история пишется не кровью, а мас-

¹⁴ «Я буду сидеть и разговаривать с вами точно так же, как делаю это сейчас; и в моей руке будет та же самая палка; и всё будет таким, как сейчас; и время, как можно предположить, будет то же самое. Ибо если движения (небесных тел) и многие вещи повторяются, тогда то, что было раньше, и то, что произойдёт потом, суть одно и то же. Всё есть одно и то же, поэтому и время есть одно и то же». (Пифагор. Отрывок из Симплиция)

лом. И не войны она, а картины великих художников. Все деяния на земле вершатся ради спасения времени. Хотим мы того или нет, но есть высший закон, недоступный для понимания одной жизни. Атлантиду уничтожили чёрные маги: обрели силу, но не смогли ею управлять. Псы выбрали тебя тринадцатым, потому что была среди белых, решивших отказаться от власти. Осторожность – путь ловца жемчуга. И те, и другие потеряли всё. Но белые предвидели исход. Если не можешь противостоять злу, то хотя бы не принимай его сторону. Это стало их оправданием, а в глобальном смысле всего человечества. И сейчас ты – ловец, а не взломщик. Твоя судьба – судьба странника. Ветру не нужен дом. Тебе некуда возвращаться, ты не можешь ничего изменить.

По утрам учил Маугли нырять в заливе. Январский мистраль голоден и вездесущ, пронизывает тело насквозь. Выдувает, выхолащивает, пожирает человеческое тепло. Перед прыжком в море прижималась спиной к нагретой солнцем скале, словно спасалась от дикого зверя.

– Я не умею плавать под водой!

– Ты вспомнишь. Память хранит поступки всех рождений и переводит их в инстинкты и интуицию. Слушай голос внутри, шестое чувство. Синестезия, когда звуки имеют цвет, когда с закрытыми глазами угадываешь, что красная ткань теплее синей, когда можешь видеть сквозь стены и на многие километры, вынырнуть, выплыть из любой ситуации. Единый круг пяти чувств. Спасательный круг – в тебе самой.

– Мне холодно, вода ледяная, ветер... У меня скоро будет воспаление лёгких!

– Тело – оболочка. Ты чересчур печёшься о ней. В чужих снах холоднее, Маугли. Инеродное энергетическое поле. Не сможешь сконцентрировать внутреннюю энергию, не проснёшься. Сны глубже яви, за секунды сна проживаются столетия. Замёрзнешь – не вернёшься. В числе пропавших без вести есть те, кто исчезал из собственной постели.

– И где они теперь?

– Блуждающие остатки снов. Странные, пугающие отражения, пыль и трещины на поверхности зеркал.

– Но почему ловцы жемчуга не используют технику? Зачем нырять самому, если можно перекопать дно машиной, просеять песок и камни и выбрать жемчуг на берегу?

– Древние знали и могли всё и без техники. То, что сейчас учёные открыли при помощи сложнейших приборов и экспериментов, они постигли путём озарений. Ловцы жемчуга используют лучшую технику: приручают огонь внутри и вливаются в общий поток энергии. Изучают и используют подводные течения: быстрые и медленные, тёплые и холодные – они помогают погрузиться на глубину, они же поднимают и на поверхность. Такая техника не сломается, её невозможно отнять, она не разрушает природу и себя не разрушит. Подобное не разрушает подобное. Белый путь – единственно верный.

Я был терпелив, и Маугли делает успехи. Псы довольны. Последняя заметка о ней в газете: *«Грабитель заснул и не проснулся в такси. Картина возвращена в музей».*

Картина моего старшего брата: Ангел, отрезающий крылья. Проникновение миров. Падение в материю. *«Ангел мечтает стать человеком»*, – он всю жизнь писал этот сюжет. Эфирный и материальный миры – отражения друг друга, две соприкасающиеся спирали. Воплощённая восьмёрка бесконечности. Брат изобретал новые иероглифы живописи, писал абстракции. Картины отвергали. Горе пророкам, чьи пророчества непонятны, необъяснимы. И тогда он нарисовал ангела. Простой и растиражированный образ современности. Картина, объясняющая саму себя. Но и здесь никто не увидел восьмёрки. Повторяющаяся история о зашифрованных в картах Таро пророчествах Тота. Хочешь спрятать что-то – положи на видное место или растиражируй до банальности. Эти картины сделали его великим художником, богатым и знаменитым, но суть их так и осталась заложницей холста, погребённой под густыми слоями масляной краски. Истиной, сокрытой от художника. Люди слепы. Лучшие из них, как младенцы, видят мир перевёрнутым, а время – бегущим вперёд и вниз, осыпающимся, как песчинки.

Я отпустил брата, а Маугли отпустила Арно. Необходимые жертвы. Теряя близких, обретаем себя. Освобождаемся из слепого сладкого плена. Срываемся в пропасть одиночества и самопознания. Мечтал стать художником, каким был

он, но у меня одно призвание – хранить истину его картин. Участь последователя, собирающего мозаику из его озарений. Сложный символ всегда непонятен и нуждается в упрощении. Но парадокс в том, что упрощение должно облегчать образ: не объяснять картину, тщательно прописывая детали, а наоборот, стирать лишние контуры как преграды для восприятия. Жизнь невозможно передать в точности, как она есть, лишь как чувствует её художник. Если чувство подлинное, код будет найден, и истина проступит сквозь слои масла. Брату до неё не хватило одного шага. Последнего. В Спираль.

Он ушёл, а я остался вместо него. И нет ни красок, ни кистей, ни холста. Я – поэт, рисую словами. Слова же *«отнимают аромат у живого цветка»*¹⁵. Цветы! Что общего у розы и незабудки? Ничего. Жизнь в отражениях бесконечна, словесное обобщение ограничивает и убивает её.

Пишу Маугли на зеркалах и стёклах машин, съёмных квартир, номеров мотелей и пятизвёздочных гостиниц. Она дерзит мне в e-mail-ах и sms-ках из разных концов света, хотя переписка запрещена братством. Стираю её послания, но в голове прокручиваю снова и снова. Злился на неё за несдержанность, а сейчас ощущаю острую нехватку эмоций. Желание тратить и тратить. Почти нежность. Если могу ещё представить, что это такое. Любое чувство – прыжок в неизвестность. Ветер, меняющий направление.

¹⁵ А. Блок. «Когда вы стоите на моем пути».

– Чего ты боишься, сова же мёртвая? – спросила тем утром Маугли.

– Мёртвая? Символы – бессмертны, как бессмертны заключённые в них идеи. И вовсе необязательно летать по ночам. Таксидермисты верят, что чучело хранит душу птицы. Точно так же, как древние египтяне верили, что мумифицировав тело, даруют душе вечную жизнь. Мумия – залог её возвращения, а маски мумий – опознавательные знаки для души.

– Полярная сова – твоя психофора! Так и знала. Ты убил ангела, а труп держишь в доме. Ждёшь его?

– Некого ждать. Ангелы, психофоры, даймоны... – разные имена тех, кто ведёт нас по жизни, оберегает в лабиринте снов, встречает после смерти. Сторонние наблюдатели, хранители душ. Умерев, мы на миг сливаемся с ними и обретаем знания, а родившись, утрачиваем память о них. Миг проникновения. Я пожертвовал ангелом, чтобы видеть его глазами, помнить всё.

– Не понимаю зачем. Знания нужны человеку, чтобы стать другим. А ты постиг то, чего никогда изменить не сможешь. Свечу, не гасимую ветром. Fatality. Замкнутый круг.

– Бессмертие и есть замкнутый круг. Повторения одного и того же. Песочные часы существования¹⁶.

– И кем ты был всё это время?

¹⁶ «Вечные песочные часы бытия переворачиваются снова и снова – и ты вместе с ними, песчинка из песка!» Ф. Ницше. «Весёлая наука».

– Мы не меняемся, меняются наши жизни, как декорации или пейзажи. Твоя физическая оболочка – платье для энергетической сути. Душа любит наряжаться у зеркала.

– То есть где-то могу проснуться мужчиной?

– Почему бы и нет? Ты же носишь джинсы, она тоже может примерить мужской наряд. Перевоплотиться несложно. Общество ошибочно воспринимает людей как тела. Но мы далеко не наши тела, мы – гораздо большее.

– А если снять все платья с души? Как она выглядит обнажённой? Должна же быть сердцевина лотоса. Мир, созданный законом подобий, вторичен. Вначале был творческий акт, как во времена богов и героев. Кто мы? Где родились впервые?

– Наши далёкие предки поклонялись огню и Солнцу. Расскажу тебе легенду о стране, где оно никогда не ложится спать. Представь, куда ни посмотришь, вокруг будет юг. Молчание арктических льдов, бесконечная линия белого горизонта, яркий свет до рези в глазах, до слепоты, ты летишь...

– ...бесшумно, как летают полярные совы. Несёшь с собой северный ветер. Гиперборея?

– Да. Когда-то она была страной, где цвели вишни, апельсины, магнолии, но потом замёрзла. Учёные объясняют это изменением климата. А мифы – преступлением Фэтона. Не справился с огненной колесницей Гелиоса, и Зевс разогнал солнечных коней, а землю заморозил.

– Так ты – Фаэтон? Полубог? – спросила насмешливо.

– Не издевайся! Я – человек. А титанов, героев и богов из людей делают мифы. Мифы придают форму и образ ускользающей тайне, позволяют увидеть сокрытое, почувствовать, понять необъяснимое. Люди всё, что их окружает, превращают в мифы. Сказания же передаются из уст в уста, меняются, приукрашиваются. А если и записываются, то мало кто может проникнуть сквозь строки. Все религии мира создают святых из простых смертных. Герою нужна Судьба.

– И какова твоя?

– Заключена в имени. *«Поэт – поистине похититель огня»*¹⁷. Аморгеном звали первого поэта народов моря¹⁸. Выбрал имя при посвящении, как и ты выбрала своё, дорогая homeless¹⁹. Души знают, кто мы и откуда пришли. В одном из миров мы с братом родились в сумрачном Лондоне. В нашем настоящем люблю мистраль, из-за него мальтийское солнце кажется ослепительно белым. Устал жить без солнца. К тому же Мальта – бывшая английская колония, здесь я почти дома. А с моим братом тебе суждено встретиться, с лучшей его частицей.

Ты сумела сберечь тайну и продлила жизнь его картине. Раскрытое, познанное забывается.

¹⁷ Артур Рембо. Письмо к Полю Демени «О ясновидении». 1871.

¹⁸ – так называли островных (британских) кельтов древние греки.

¹⁹ Бездомный (англ.)

Снова пробегаю глазами газетную вырезку. Ветер распахивает окно. «*Я слышу голос, говорящий в ветре!*».²⁰ И мне впервые страшно за тебя. В Альпах нет ветра, там отвесно, тяжёлыми хлопьями падает снег. Самое сложное из заданий – роль психофоры. Вести, но не вмешиваться в чужую судьбу. Оставаться сторонним наблюдателем, что бы ни случилось.

²⁰ Альфред Теннисон.

Эпизод 5. Снег

Хочется отправить тебе предчувствие весны в Австрии живым mms из сердца. Дорога вьётся меж гор, солнце бежит впереди машины и греет мне щёки, сверкает в каждой снежинке. Ветер приносит запахи хвои, смолы и талого снега. Если какой-нибудь гений придумает, как переводить картинки памяти в Full HD видео и сохранять запахи и звуки, искусство отомрёт за ненадобностью, а люди научатся понимать друг друга без слов.

Красота тебя не удивляет. Говоришь, все дороги мира похожи. И всё, что происходит на земле, можно увидеть во сне, прочесть записи на стенах лабиринта. Но у меня же неповторимый, свой почерк! Ты никогда не увидишь горы моими глазами.

И никогда не обматывал деревья папиросной бумагой...

Первое декабря – первый день зимы и мой день рождения. В подарок Арно обещал мне снег. Если пробежаться по свежему снегу босиком, исполнится заветное желание. Ждали весь день, но ветер дул с моря, тёплый и влажный. Столбик термометра дотянулся до десятого деления выше нуля и не желал сдавать позиции. За окнами желтели платаны, а городские власти Сочи зря потратили деньги на холщёвые мешки для пальм: вряд ли деревья простудились бы при та-

кой температуре. Город застыл в осени, как в янтаре.

– Надо обмотать деревья во дворе белой бумагой, – размышлял Арно, глядя в окно, – лучше папиросной, она легче, не повредит ветки.

– Зачем?

– Призвать снег. Деревья с белой бумагой на ветвях будут казаться заснеженными. И тогда снег придёт. Белое к белому.

– Точно! И ножницами вырезать несколько снежинок для антуража.

Вино пили уже на деревьях, перебрасывая друг другу картонный пакет. Внизу, у дороги, поставили плакат «Призвать снег» как объяснение для прохожих. Любопытные с чувством юмора сбегали в магазин и пополнили запасы папиросной бумаги. Ровно в одиннадцать часов пятьдесят девять минут пошёл снег. Не знаю, как у Арно получилось. Помню, что на третьем дереве у меня начали замерзать руки. Наверное, небо, на нас насмотревшись, тоже настригло снежинок и смахнуло разом их все со стола. Полночи соскабливали мокрую, налипшую на ветвях бумагу, но он сдержал обещание: первый снег выпал в мой день рождения. И это было лучшим подарком. Настоящим чудом!

А в твоём правильном мире всё predetermined, и для чудес нет места. Псы спрашивают, есть ли у меня выбор, в надежде, что обучаясь у тебя, поумнею и отвечу: нет, выбора не существует. Закон ваш годится для меня одной. Бездом-

ному некуда возвращаться. Но у всякого скитальца когда-то был дом, и он помнит о нём!

Я помню радугу. Прыжок с парашютом в тандеме с высоты трёх километров. Больше не верила в землю, такой она стала далёкой. Горы казались игрушечными. Мы пролетели сквозь грозное облако и очутились внутри радуги. Сверкающие капли воздуха, как маленькие миры новорожденной вселенной. Падение и полёт. Холодный ветер и разгорячённое дыхание. Один вдох на двоих, один выдох. Розовый свет вокруг и внутри меня.

Чему ты можешь меня научить, если видел радугу только с земли? В твоём доме на Мальте живут лишь воздух и солнце. Внутреннее пространство в точности повторяет высушенные ветром прибрежные скалы: ни кустика, ни деревца. Ни одной старой фотографии или картины, смешной безделушки-талисмана или книги с загнутыми страницами – ничто не выдаст хозяина. Несколько лет обучал меня, но я так и не узнала главного: кто ты? Хотя нет, у тебя тоже есть личные вещи: чучело полярной совы и часы со стрелками, бегущими в обратную сторону. И уверенность, что твой ангел мёртв, а время стремится в прошлое. Пустота настолько захватила тебя, что не оставила места для любви, привык быть сам по себе и не сходишь с ума от одиночества, как все люди. Твоя память не шкатулка милых сердцу глупостей, как у других, она похожа на сейф, доверху забитый долговыми расписками. Хранитель вечности!

«*Братство Псов отличается верностью*». Вы обещали мне семью, но те, кого предавала свету, становились ближе. Думали обо мне и открывали дверь в свои сны, а вы – никогда. Предпочитаешь не рисковать и водишь меня по нейтральной территории лабиринта, а встречаемся в Храме Сириуса на очередном совете. Не путешествуешь и в одиночку. Конечно, зачем тебе прочитанные книги? Твои сны заперты в них, как в клетке.

Рассказал мне о Фаэтоне, потому что я – Змееносец, тринадцатый исчезающий знак зодиака. Время Змееносца называют «сожжённой дорогой», две недели в году, когда зима сражается с осенью. Древние маги верили, что в это время силы добра и зла вступают в схватку за власть над душами людей. Именно тогда пролетавший над землёй в огненной колеснице сын Солнца Фаэтон сжёг всё живое. Говоришь, это предопределило нашу связь как учителя и ученика. И Псы выбрали меня тринадцатым, увидев потусторонние знаки в дате и месте рождения. Неправда! Выбрали за то, что помогла убить Арно. Ты виноват, что дорога моя сожжена, но меня тянет к тебе, как мотылька на свет. Точно так же тянуло к Арно. «*Поэт – поистине похититель огня*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.